

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

ЛЕОНИД БЛЯХЕР

УМИРАТЬ Я КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ СОГЛАСЕН

Фантастический боевик. Новая эра

Леонид Бляхер

Кузнец

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Бляхер Л. Е.

Кузнец / Л. Е. Бляхер — «Издательство АСТ»,
2022 — (Фантастический боевик. Новая эра)

ISBN 978-5-17-139367-0

Среди первопроходцев – покорителей бескрайних просторов от Байкала до Тихого океана – далеко не в первом ряду стоит фигура Онуфрия Степанова по прозвищу Кузнец. Был он грамотен, знал механику, счет. Небольшой отряд казаков под его командой покорил страну по берегам Амура с многочисленным и воинственным населением. Почти шесть лет он отбивал натиск многотысячных армий империи Цин. В конце концов его отряд попал в засаду, и Онуфрий Степанов погиб. Вот в этого очень странного персонажа и попадает наш современник. Немножко бизнесмен, немножко мастер по металлу, немножко историк, закончивший истфак еще в советские годы. И умирать он категорически не согласен. Что из этого выйдет, вы узнаете, если прочитаете книгу.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-139367-0

© Бляхер Л. Е., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Часть первая	6
Пролог	6
Глава 1. Хабаровск	8
Глава 2. На илимском волоке	14
Глава 3. Илимский острог	22
Глава 4. План	32
Глава 5. Ярко	40
Глава 6. Походу быть	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Леонид Бляхер Кузнец

© Леонид Бляхер, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Часть первая

Начало пути

Пролог

*Амурский плес близ будущего Хабаровска,
7166 год от сотворения мира*

Богдойцы налетели неожиданно, когда Онуфрий Степанов уже было поверил, что его отряду удалось выбраться. Из-за острова вывалилась армада из полусотни бусов и устремилась к семи русским судам-дощаникам, стоявшим у берега. На казаков обрушился огненный вал из множества пушек, пищалей. Тучи стрел взвились в небо, чтобы в следующий момент смертельным дождем пролиться на палубы русских стругов. Три судна мгновенно занялись пожаром. Едва ли не сотня казаков пала в самом начале сражения.

Но бой не кончился. Когда богдойская флотилия вплотную подобралась к русским судам, покореженным огнем, с порванными и обгоревшими парусами, с выбитыми ядрами досками бортов, с казачьих стругов раздался залп. Казалось, огонь шел отовсюду. За первым залпом последовал второй. Несколько бусов загорелось. В воду падали воины богдойцев и их союзников. Враг отхлынул от берега к острову. Степанов окинул взглядом остатки своего полка.

Да, от пятисотенного отряда осталось меньше двухсот воинов. Кого-то он сам под началом своего ближника Клима отправил в охранение (теперь те были отрезаны от основного отряда и, наверное, уходили в Нерчинск, на соединение с отрядом воеводы Пашкова). Кто-то с Артемкой Петриловским, племяншем его друга Хабарова, много лет назад уговорившего Степанова на амурскую авантюру, в первые же минуты бежал на берег и, сбив заслон из союзных с богдойцами дючеров, исчез в лесу. Кто-то погиб или сейчас отходил, прося о смерти как о помощи. Мало людей, совсем мало.

Рядом с ним с таким же, совсем не веселым выражением лица стоял мудрый атаман Петр Бекетов. Богдойцы, получив отпор, медлили. Видимо, поначалу надеялись взять казну, да и суда, целиком. Теперь уже шадить не будут.

– Ты, Петр Иванович, – медленно проговорил Онуфрий, – вот что... Людишек собирай, да уходите, пока силы есть. Иди к воеводе Пашкову. С ним отобьетесь.

– А ты, атаман? – глянул на Онуфрия Бекетов.

– Твоя правда, Петр Иванович. Я атаман, мне и ответ держать. Пусть со мной останется десяток охочих казаков. Всех прочих уводи.

– Негоже так, Кузнец!

– Гоже. Атаманским словом приказываю.

Бекетов опустил голову. Он понимал, что атаман прав. Да только неправильной была эта правда. Но многолетняя выучка взяла свое. И к тому мигу, когда богдойские бусы вновь направились к стругам, на них оставались только сам Степанов да десяток самых верных его людей, что решили принять смерть вместе с ним.

Атаман Онуфрий Степанов по прозвищу Кузнец быстро объяснил друзьям любезным свою мысль. Простую мысль. Каждый отходит на целый струг, разливает по палубе масло, запаливает смоляную ветку и ждет. Если силы есть, отстреливается. Как подойдут богдойцы вплотную, нужно поджечь корабль. А там как бог выведет. Кому суждено остаться живым, будет жить. А кому не суждено, то так тому и быть.

Про себя каждый понимал, что нет, не суждено. Но надежда жила во всех. Во всех, кроме самого атамана. Он не стал себе врать. Снарядил ружье, спокойно проверил запальный заряд на полке, подпалил ветку, поближе положил любимый топор, если, бог даст, дойдет до схватки.

Бусы подходили всё ближе. Степанов смотрел не на них. В последний раз окинул он взглядом желтые волны великой реки, сопки, поросшие соснами и летней травой... Как же так вышло, как же всё так быстро кончилось? Ведь была же мечта – если не найти, то построить ее, страну Беловодье, где люди живут вольно и радостно. Немного везения не хватило. Ведь могло же оно выйти и иначе. Могло?

«Могло», – прошелестели волны, набегающие на пологий берег.

«Могло», – прошептали сосны.

«Могло», – проговорило небо над великой рекой.

Но Онуфрий уже не слышал их. Он прицелился и выстрелил в подплывающий вражий корабль. Начинался его последний бой.

Глава 1. Хабаровск

2000 год от Рождества Христова

С самого рождения судьба у меня была не то чтобы плохая – нет, не хочу бога гневить. Есть те, кому гораздо хуже. Намного, намного хуже. Скажем, какие-нибудь политики, чиновники или, к примеру, тяжело и безнадежно больные. Просто каждый раз, когда мне начинало казаться, что за спиной вот-вот раскроются крылья, кто-нибудь эти отростки отстригал. И так всю жизнь. Ну, не всю, конечно, но большую ее часть это точно. Но начну по порядку.

Родился я в замечательном городе Хабаровске уже почти три десятка лет назад. И вот тут мне точно повезло. Город у нас классный (по крайней мере, я так думаю, а что думают другие – это проблема тех самых других).

Еще в юности я пошел в секцию бокса. Не потому, что сильно тянуло или чтобы кому-то очень плохому и сильному отомстить, а просто за компанию. Мой друг очень хотел быть суперменом, хотя слова такого он еще не знал. Фильм этот я только в 1990-е в первых видео-салонах посмотрел. Так себе фильм.

Но вернемся к моей истории. Поскольку слово «боксер» в мои юные годы обладало особым звучанием, то друг решил, что путь в супермены лежит через квадрат, обтянутый канатами. Друга хватило на год. А я остался. Почему? Да шут его знает. Просто не люблю, когда кто-то за меня решает.

На первом же соревновании я продул. Стыдно продул. Как у нас говорят, в одну калитку продул. Весь бой искал пятый угол на ринге. Вот тренер мне и порекомендовал бросить. Мол, занимайся, парень, настольным теннисом, а в мужские виды спорта не лезь.

Я обиделся. На следующий день назло ему приперся на тренировку с изрядным фингалом под глазом. Тренер промолчал. Я остался. Постепенно стало получаться. Пошли победы на ринге, разряды, поездки. Уже в вузовской команде я выполнил кандидата в мастера, попал в сборную. Тут всё и кончилось.

На первом же международном турнире в почти выигранном бою нарвался на встречный. Нет, не поезд, но не намного лучше. Это когда твое движение вперед к противнику совпадает с движением его перчатки в сторону твоего носа. Словом, звездочки брызнули из моих глаз во все стороны, а пол совершенно неожиданно оказался совсем близко к физиономии.

Отходил я долго. После того, как отошел, умный врач вежливо покашлял, посмотрел на мои бумажки и... запретил мне выступать. Плохо? Наверное. Но я решил, что всё, что ни делается – к лучшему. Мне уже целых восемнадцать лет, а я еще не знаю, с какой стороны к девушкам подходят. При двух тренировках в день и попытках при этом как-то учиться на девушек времени не находилось.

Познакомился. И как-то так удачно познакомился. Через месяц уже чувствовал себя безнадёжно и смертельно влюбленным. Караулил свою возлюбленную у здания политехнического института, где она училась, дарил цветы, провожал до дома, даже стихи читал про чувства. Мы долго целовались в подъезде. И всё. Дальше как-то не выходило.

Правда, оказалось, что личная жизнь занимает времени куда больше, чем самые напряженные тренировки. А сессию отменить забыли. В результате я вылетел из института и примерил замечательные кирзовые сапоги и форму с погонами. Девушка на проводы не пришла, а через три месяца написала, что выходит замуж.

Огорчился я тогда страшно: как-то привык уже ее своей считать. Думал, пойду в караул да застрелюсь. Сейчас понимаю, что детский сад, но тогда страдал, даже очень. Впрочем, пере-страдал тоже быстро и решил жить дальше.

В армии служил без изысков. Не десант и не спецназ. Войска ПВО. Ночные дежурства, короткий сон и новое дежурство. Ужасы дедовщины, про которые много читал потом, как-то прошли мимо. Отслужил.

По возвращении решил поднажать на учебу. Учился на истфаке. Большая часть преподав были тоскливо-партийными и идейно-коммунистическими. С истфака тогда историки не особенно часто выпускались: в основном шли или в партийные органы, или в КГБ. Потому и препода были очень правильные. Барабанили материал, как по уставу.

Но были и звездочки. Один из них преподавал историю Дальнего Востока. То есть историю того места, где я и жил. Это было прикольно: вдруг понять, что сражение с племенем дючеров (это такой народ, который жил на Амуре до прихода русских и угнетал будущие малые народности Приамурья) происходило на территории городка Биробиджан (он в 160 километрах от моего родного города). А возле самого родного города Хабаровска, на высоком берегу Амура высилась крепость Косогорский острог – первая русская столица Приамурья.

Я стал ходить к нему на факультатив, на кружок и даже домой. И – едва не послал всё это к той самой милой матери. Лекции, книжки про историю, рассказы были необычны, увлекательны. А вот работа историка – как говорил наш препод, «верстак историка», – мне понравилась намного меньше. Оказалось, что история – это бесконечное копание в старых бумажках, таможенных книгах, доносах, челобитных с тем, чтобы вытащить из них кусочек прошлого. Пожилые «девочки» в архивах выкладывали на стол пухлые «дела» про далекое прошлое. В этой пыльной макулатуре и приходилось просиживать днями и неделями. Этого мало: приходилось читать кучу книг по теории, по связанным с моими героями событиям. Словом, я потихоньку превращался в архивную крысу.

Как-то утром, встав перед зеркалом, я увидел вполне откровенно намечающийся животик. Огорченный увиденным, решил потихоньку начать тренироваться. Нет, не бокс. Но к тому времени уже появились качалки, где за деньги можно было потягать штангу, гантели, подергать тренажеры. Утром пробежка, вечером – тренировка. Постепенно привел себя в порядок.

Но историю не бросил. Архивы и качалки благополучно совместились. И даже девушки стали появляться. Правда, я старался не влюбляться: сильно обжег меня первый опыт. В общем, как-то жил.

На досуге увлекся старым оружием. Даже не мечами, хотя это тоже прикольно, а первым огнестрелом на Руси. Запоем читал про пищали, ручницы, фитили и кремнёвые замки. На заводе, где работали мои одноклассники, я даже смог сделать пару таких. Понятно, что наличие фрезерного и токарного станков позволяло мне то, что не смог бы сделать кузнец четыре столетия назад. Но мне казалось, что я просто супермастеровой. Даже стрелял из них за городом, на берегу Амура. Занятие было то еще: ведь это тебе не магазин в «макарове» снарядить. Ничего, справлялся.

В какой-то момент я всё свободное время стал проводить на заводе. Даже архивы забросил. Не совсем: диплом-то писать было надо, но огонь куда-то делся. Ну не ученый я. Делать что-то мне по-любому интереснее, чем изучать, как кто-то что-то делал.

На досуге стал часто думать про наш край. Он же правда необычный. Далеко от всего. Европа понятно: «Потому что путь непрост – целых десять тысяч верст». Это я еще со школы помню. Но ведь и Азия далеко. Ну, обжитая Азия. У нас теплее, чем в Сибири. Пшеница растет, соя. Под Владиком виноград и арбузы вызревают.

Люди всё больше предприимчивые, вольные. Кто не крутится, нормально не живет. Только как-то так получается, что нас всё время в какое-то стойло стараются загнать, причем чужое. То царь Петя под номером один устроил из нашей земли каторгу, чтобы серебро, медь, олово из нее выкачивать. Потом, в начале двадцатого века, сделали из нашей земли военный лагерь. То в недавнем прошлом из Дальнего Востока один ГУЛаг устроили с военными город-

ками: ты или сидишь, или охраняешь. В крайнем случае работаешь на заводе по обеспечению тех, кто охраняет. Как-то всё неправильно. Так я жил себе и думал.

Тут и СССР кончился. В провинциальном Хабаровске это было странно: какой-то ГКЧП кого-то от кого-то спасает или не спасает. Был митинг на центральной площади, где все были против. Я, конечно, тоже. В смысле за Ельцина и против ГКЧП. Типа мы за всё хорошее, против всей чушни.

Так, вуз я закончил уже в России. Закончил с красным дипломом и рекомендацией в аспирантуру. В СССР это было бы круто. А в России? Шут его знает... Там какие-то биржи появились, купи-продайки всякие. Я не то чтобы очень сильно топил за Советы, просто оно как-то слишком резко поменялось, не дав даже минуты, чтобы подумать, сообразить, что к чему. А для меня тем более. Почему?

Как раз тогда один за другим ушли родители. Даже не родители, а мама и папа – самые дорогие люди на этом свете. Олигархами они не были: мама – врач, папа – преподаватель. Но по тем годам жили мы нормально, про хлеб насущный особо не задумывались. Книжки читали, вместе в походы ходили, на озеро лотосов ездили. Теперь вдруг я один оказался, да и проблема, где брать деньги, встала во весь рост. Осталась двухкомнатная квартира почти в центре города, на улице Серышева, и всё.

На то, чтобы думать, времени уже совсем не стало. Попробовал и я бизнесом заниматься. Что-то получалось, что-то нет. Только стремно это было, да и как-то... странно. Партнеры кидают, с какими-то «крышами» надо договариваться... Нет, я, конечно, договаривался: не тупее других. Только пить не с друзьями, а с неприятными мужиками в бане, возить им конверты с «искренней благодарностью в долларах» было совсем не радостно. И понимать надо, что пить здесь – не отдых, а работа такая. Тошная, надо сказать. Голова потом болит, начинаешь ненавидеть всё вокруг. Особого куража у меня лихие деньги не вызывали. И жить на грани, когда или ты, или тебя, мне сильно не нравилось.

Чтобы как-то не совсем в коммерса превратиться, я даже в аспирантуру поступил. И не просто поступил, а что-то делал. Конечно, не рвал жилы на почве разгрызания гранита науки, но и не бездельничал уж совсем.

Так и жил между двух миров. В первом ходил в малиновом пиджаке, пил водку с правильными пацанами, продавал и покупал всё, что продавалось и покупалось, носил оформленную в ментовке пушку. Даже пару раз пулял. Во втором – надевал скромный костюмчик и шел в архивы, делать научные открытия. Жил не очень. Не нравилась мне такая жизнь. Да и бизнес мой к середине девяностых стал как-то сдыхать. Не то чтобы в минус, но уже совсем не в такой плюс.

Одно было здорово: выбрать пару часов, примчаться на берег Амура, желательно без архитектуры всякой. Просто чтобы берег был и река наша великая. Есть такие местечки за поселком Воронеж. Вот туда я и ездил. Для каких дел? Ни для каких. Приехать на реку, встать возле нее, раствориться в ветре, запахах, заблудиться в сопках, уступами спускающихся к воде, ощутить силу места.

Особенно классное ощущение было ранней осенью, когда листва переливалась немыслимыми оттенками от кроваво-красного до нежно-золотистого. И эта разноцветная волна катится по сопкам, тянется к речной глади, отражается в ней. И не верится, что это не картинка лихого художника, а просто сопки над рекой. Это было здорово, но мало и редко...

Спасение пришло неожиданно: появились реконструкторы. Сначала всякие толкинисты: эльфы, цвельфы, гоблины и другие существа. Собирались они в парке «Динамо», в какие-то свои игры играли. Устраивали спектакли для себя. А для игр им нужны были эльфийские мечи, луки и прочие аксессуары. И ребята эти часто были совсем не из бедных семей.

Тут я и вспомнил про свое увлечение. Думаю: а почему мне не совместить приятное и полезное? Стал для них мастерить всякие мечи, самострелы и прочую красоту. Деньги у меня были: всё-таки какой-никакой промысел у меня получался.

Купил я гараж на окраине, недалеко от башни Инфиделя (это такое странное здание на сопке перед выездом из города на мост через Амур). В ней, сколько себя помню, тусовались хабаровские неформалы. С местными гаражными мужиками по рюмке чая выпил, договорился. Помогли они мне свет протянуть, воду. Даже нужник с душем себе соорудил. До кучи прикупил пару списанных станков, инструменты, оборудовал там мастерскую. Там и делал свои поделки, а коммерцию потихоньку свернул.

Миллиона денег мне это не приносило, но на нормальное житье хватало. Да и времени забирало куда как меньше. Сначала заказов было немного. А потом...

Как-то зашел ко мне приятель студенческих лет. Только он не на истфаке учился, а на филологическом. Ходил в неформалах и реконструкторах. Как увидел мои мечи, кинжалы, так и запал. В тот вечер я продал первый меч и два лука.

На следующий день пришли два чудака с паролем: «Мы от Дмитрия». Потом еще. И понеслось. Я у них сам стал реконструкторским персонажем. Так и говорили: купил у Кузнеца возле башни Инфиделя. Хотя сам я старался от них, как бы сказать, держаться чуть в стороне. Да, хорошие клиенты, но я не из этой тусовки. Как-то оно там было всё... слишком пафосно, что ли. А клиенты всё шли.

Кто только ко мне не приходил. Из Владика, из Иркутска люди обращались. Сарафанное радио в таких делах лучше любой рекламы. Делал им и мечи, и шашки, и даже шпаги. Пистолы делал. Правда, огнестрел требовал огромного времени. То есть просто поделка – это недолго. У меня свой смак был: сделать так, как оно на самом деле было. Но это уже мой прибабах.

Постепенно всякие замки ружейные освоил. Даже колесцовый замок делал. Это такая сложная загогулина, которая считалась шагом вперед на пути совершенствования ручного огнестрела. Его предшественник, фитильный замок, был менее надежным, требовал постоянного доступа к огню. Правда, колесцовый замок приходилось «заводить» ключом для каждого выстрела. Был еще ударно-кремнёвый замок. Поначалу он имел не особенно много поклонников, зато потом, когда его доработали, он больше ста лет был основным. Считай, что до изобретения патрона.

Не только всякие реконструкторы, которые после толкинистов появились, но и нормальные люди заказывали. Кто-то в подарок для друга или начальника заказывал, кто-то себе. А кто-то и любимой в подарок. Я наловчился из металла всякие красивые вещи делать: серьги, браслеты, даже розу раз выточил из бронзы.

Братки тоже заходили. Выкидные ножики-бабочки заказывали. Пару раз даже огнестрельное оружие чинил. И ничего так. Ну бандюки. Жизнь такая, что от бандюков пользы больше, чем от государства. Тем более что бандюки были знакомые: с кем-то вместе учился, с кем-то в секции занимался. Кстати, это и помогло мне от всяких «крыш» избавиться. Наезды были, не без того. Но это так, не серьезные люди, а хулиганье местное. Поскольку парень я был нехилый, смог объяснить, что им здесь не тут.

Так и жил. И честно говоря, жизнь эта мне нравилась. Про меня знали. Обращались часто. Денег хватало. Квартиру не менял: мне на одного и двухкомнатной было выше крыши. Вот ремонт сделал, машину купил. Понятно, что подержанную «тойоту», на таких весь город ездил. Но год не старый, рабочая такая лошадка. Тусовки я никогда не любил. Наркотой (у нас говорили «химкой») не баловался, хоть и модно оно тогда было. Мастерил себе в гараже на заказ и для души. По чуть-чуть писал свой диссер. Нет, в вуз идти я не собирался. Так, для себя пописывал. Интересно же. И чем больше читал-писал, тем интереснее становилось.

В свободное время стал на всякие полезные для здоровья и души штуки ходить. Раз в неделю ходил качаться, чтобы жирок не образовывался, а мышцы не забывали, как нужно

работать. По выходным или в бассейн ездил, или на лошадках кататься. Словом, не жизнь, а малина. Да и в личной жизни всё было путем. Постоянной дамы сердца не было. Но я и не сильно рвался: как только понимал, что следующий шаг – женитьба, так и спрыгивал с поезда. Ну и общаться старался не с теми, кто сильно замуж торопится. И чем ближе к тридцатнику, тем меньше мне хотелось кого-то в свою жизнь пускать.

И как всегда, моя классная жизнь в самый неподходящий момент взяла и закончилась. Точнее, не закончилась, а как-то непонятно изменилась. Блин, тут и не скажешь сразу.

Словом, познакомился я с девицей. Такая вся блондинистая, коса до попы, глаза голубые, дымкой подернутые. Зовут Людмилой. То есть по-человечески ее Людой зовут, а мне она каким-то чудным именем представилась. Тоже из реконструкторов. Только не по Толкину, а как-то иначе. Она – тоже эльф, но другой. И девочке было уже вполне за двадцать.

Пару раз встретились, посидели в моём любимом грузинском кабачке в центре. Сходили вместе послушать музыку в кафе «Вечера». Даже как-то заночевала она у меня. Что называется, секс по дружбе и взаимному расположению. Такие встречи у меня случались несколько раз в месяц и никак не продолжались, разве только столкнемся где-нибудь случайно.

Но эта встреча не закончилась. Она стала таскаться ко мне в мастерскую, даже помогала. Рассказывала всякие ирландские сказания. Хотя шут их знает, насколько они ирландские. Я по фольклору не спец, а по истории – только XVII–XVIII века. Но она здорово рассказывала. Пела под гитару – тоже, знаете, душевно. Ты химишишь что-то над механизмом, на полке лампа горит, а она в кресле с гитарой наигрывает так негромко. Романтика, однако.

Короче, в какой-то момент чувствую: втюриваюсь. Причем по-тяжелой. Больно, но надо спрыгивать. Еще немного – и уже сам не спрыгну.

Решил не откладывать дело в долгий ящик. В ближайшие выходные собирались мы поехать на левый берег Амура. Там у моих друзей домик был, хотя жили они в городе. У домика озерцо. Не Байкал, но купаться вполне можно. И вода потеплее, чем в Амуре. Вокруг до самой реки зелень зеленая, у озера ивы с березками. Красота, одним словом. Я у них часто ключи брал, если хотел один побыть или не совсем один.

Вот сели в машину и поехали. Еду и думаю: мол, там и скажу. Посидим, выпьем чего-нибудь душевного. Тут я и скажу: так и так, любовная лодка разбилась о быт. Давай останемся друзьями. Что в таких случаях говорят?

Приехали. Я камин затопил, она на кухне что-то хлопочет. Накрыла столик. Как положено у романтических пар, свечи вместо лампочек зажгла, шторы задернула, чтобы не мешали. Сидим молча, цедим вино. Вкусное, собака. Посмотрел на нее – аж «ля» в горле запало. Такая вся грустная, растерянная, красивая. Ну не могу я ей сейчас ничего такого говорить. Ладно, думаю, в следующий раз скажу.

Встал я, музыку какую-то включил. Не тяжелый рок, не Рахманинов, но и не блатняк. Кажется, запись оркестра Поля Мориа. А она вдруг вскочила, на грудь мне бросилась и давай плакать. И горько так. Я вроде бы ничего и сказать не успел, а она почувствовала.

Стою и ощущаю себя полным пнем. Кое-как успокоил. Она слезу утерла и говорит: «Поехали лучше домой». Ну, домой так домой. Завел машину, вырулил на трассу. Оттуда на мост. Тот самый, который на пяти тысячной купюре. Едем. Солнце уже садится. Река вся огненная. Подъехали к посту ГАИ.

Вдруг она и говорит:

– Хочу заехать в дом Инфиделя. Ты не против?

Честно сказать, сильно не хотелось. Там вплотную не подъедешь. Машину бросать. Да и сами развалины меня никак не прельщали. Только отказывать ей не захотел. Почему-то стыдно было перед ней очень. Заранее стыдно.

– Ладно, – говорю, – давай заедем.

Подъехали. Домина огромный, из двух частей состоит. Одна – вполне себе дом, этажей пять. Форма странная. Но в Хабаровске много странных домов, особенно тех, которые до советской власти. Люди строили не по плану, а как душа поет. Вот и этот был странный, хоть и изрядно разваленный. А вторая часть дома – какие-то резервуары непонятные. Вглубь, под землю уходят.

Зашли. Поднялись на верхний этаж. Там обычно неформалы сидят, но в тот день никого не было. (Кстати, именно оттуда мост на купюру и снимали. С этой точки часто ходят Амур фотать.) Стою, на реку нашу любуюсь.

Вдруг Людка бросает:

– А ты знаешь, почему этот дом называют башней архитектора?

– Не знаю, – буркнул я.

– Говорят, что один архитектор хотел построить прекрасный дворец. А большевики, увидев, что не могут его использовать по назначению...

– А что они хотели?

– Неважно. Это легенда. Ты слушай.

– Хорошо.

– Так вот. Большевики разозлились и решили архитектора не просто расстрелять, а замуровали его где-то здесь в стену. Поэтому дом не могут ни закончить, ни разрушить. Это душа архитектора им не дает. Потому здесь люди пропадают. Просто входят в башню архитектора – и не выходят.

– Веселая история, – улыбнулся я.

– Грустная. Пойдем, я тебе покажу, где стена архитектора. Там, где он замурован.

– А надо? Всё-таки уже темнеет. Может, в следующий раз?

– Андрей, ты не понимаешь. Никаких следующих разов не бывает. Есть только сейчас.

Она схватила меня за руку и потянула куда-то в сторону резервуаров. Поплутав по руинам, ловко обходя экскременты разных эпох, наверняка имеющие историческую ценность, мы оказались в небольшой комнатухе над провалом, уходившим куда-то в темноту.

– Пошли быстрее, – крикнула Люда, перебежала по хлипкому деревянному мостку и скрылась в дверном провале.

Делать было нечего. Я вступил на мостик. Видимо, он не был рассчитан на мой вес, а может быть я просто особо везучий. Только доска скрипнула и переломилась. Я полетел вниз, в темноту. Обо что-то изрядно ударился. В голове вспыхнуло. За вспышкой наступили крошечная тьма и боль. Я отключился.

Глава 2. На илимском волоке

Время пока непонятное

Бодело плюс-минус всё. В голове стучали молотки. И так, знаете, навязчиво и больно стучали. Перед глазами колыхался туман. Где я? В больнице? Поскольку болит всё, то явно не на том свете.

Я попытался закричать, позвать кого-нибудь. Есть же у них какие-то обезболивающие, пусть вколют скорее – терпения нет!

Вышел какой-то невнятный хрип. Постепенно марево от глаз отступило, но яснее не стало. Я лежал на чём-то мягком, но непонятном. Явно не на постели. Запах от всего этого мягкого шел какой-то прелый и неприятный. Причем это мягкое отчетливо покачивалось, двигалось.

Перед глазами поплыло чье-то лицо, только на Люду оно было не похоже. Сначала показался какой-то не вполне понятный старик восточной наружности, в странной одежде наизнанку, в сапогах, натянутых явно и демонстративно наоборот. Он что-то говорил, но слов было не разобрать. Да и само изображение старика как-то не выстраивалось, то и дело шло рябью, в расфокусе.

Когда я с трудом сосредоточил взгляд, всплыла еще одна непонятная, но уже молодая физиономия какого-то мужика в наряде реконструктора. Темновато, но видно, что скулы широкие, видимо, где-то в предках татары побывали. Нос прямой. Борода такая, как сейчас модно: типа я сегодня вместо щетки. Шапка какая-то нелепая вроде матерчатого колпака, обшитого понизу мехом. Я с трудом приподнялся, оперся на локти. В глазах опять поплыло.

– Онушко, живой! Ох, брат, думали, уже насмерть тебя хозяин помял!

Какой еще Онушко? Онушка. А, сообразил я, уменьшительное от Онуфрий. Почему-то вспомнилось студенческое: «Отец Онуфрий, обходя окрестности Онежского озера, обнаружил обнаженную Ольгу». При чём здесь Онуфрий? Тем более что не помню, что там дальше с ним и Ольгой было. Бред какой-то.

– Мужик, ты кто? – выдавил я из себя.

– Какой я тебе мужик, Онуфрий? – обиделась физиономия. – Я поверстанный казак, как и ты. Макар я.

Яснее не стало. Почему это я Онуфрий? Какой-то Макар, который поверстанный казак, как и я. Ох, блин. Похоже не на нормальную больничку, а на психованный дом. Гады, где я?

* * *

Эх, судьба моя злодейка... Как ни крути, а невезучий я, да и парни со мной. Жили мы в стольном городе Тобольске. Здесь и государев наместник, и главная таможня, чтоб людишки государеву казну из Сибири не растаскивали, подати платили. Кто из Руси в Сибирь едет или обратно на Русь возвращается – все через Тобольск едут. И потому здесь столица Сибири.

Есть здесь и службы разные, и дьяки с подьячими. Есть стрельцы и солдаты. Но главная сила – казаки. Вот я казак. И родитель мой казаком служил. Только преставился он. Ну, я уже своим домом жил. Службу служил. Караваны торговые и государевы сопровождал. А как вольное время выдастся, ездили с друзьями моими охотиться или на какой еще промысел.

Вот как-то шли мы с ними лесной дорогой. Конными шли. А тут какие-то людишки непонятные, тоже конные, одеты в добрые брони. «Посторонись, голытьба!» – кричат. Один так прямо кнутом на меня замахнулся. На меня! На казака! Друг мой, Алешка, кнут тот поймал, да как дернет! Тот, который в брони, наземь и рухнул. Его дружки на нас набросились, только

ведь и мы не лыком шиты! Один Онушка чего стоит. Огромный, что твой медведь. А Алеша не гляди, что ростом не вышел – ловок, как рысь лесная.

Побили мы их. Кого насмерть, а кого так, попугали. Бежали они, аж пятки сверкали. В добычу достались нам пара броней добрых да серебряных алтын несколько горстей. Едем довольные: и казака имя доброе отстояли, и хабар хороший забрали.

Не успели мы до дома доехать, как стрельцы нас в оборот взяли: дескать, мы на государева гонца напали. Посадили нас в холодную избу. Приходил от воеводы важный дьяк, долго кричал и грозился. А мы только молчим, ведь всё наврал тот посланник. А вера ему, а не нам. Вечером зашел наш сотник, сын боярский Никодим Нилыч. Знаю, говорит, ребятки, что вины вашей тут нет, только шум большой идет. Собирайтесь-ка вы в город Енисейск. Бумаги я на вас выправил. Поживите там. Голому собраться – только подпоясаться.

Долго ли, нет ли, а прибыли мы в город Енисейск. Тоже большой город, торговля там великая. Но и там задержаться не вышло. Что тут сделаешь? Чужие мы, защиты ни в ком не имеем. Отправили нас с другими казаками в Илимский острог на волоке.

В тот поход шли тяжело. Енисей-река на пороги богата, на стремнины. То смотри, чтобы в воду со струга не свалиться, то тащи на себе лодку по земле мимо порога. Хорошо, что с казаками еще местных людишек отправили – инородцев, что государю присягнули.

Почти два месяца шли. Три раза пришлось каких-то татей из пищали пугануть, а раз настоящая сеча вышла. Но, слава богу, добрались мы до суши. Решили от Тунгуски идти посуху. Там дороги-то было до Илима всего ничего. И опять не ладно.

Дорогой усмотрел мой дружок в зарослях хозяина, пошел к нему. Тот во весь рост встал – и на него. Онушка оружие свое поднял – думали, сейчас он его и приложит, будет медвежатина на ужин. А ружье-то возьми и не выстрели! Сломалось. Тот видит, что от хозяина уже не убежать, а наши на помощь не успевают, схватил нож и сам кинулся. Прирезал медведя.

Только уж очень его хозяин помял. Как подбежали, уже чуть дышал, потом и вовсе в беспамятство впал. Прасковья, жена нашего десятника, его каким-то маслом смазала, наговор какой-то проговорила. Только лучше не стало: лежит Онуфрий, глаза открыты, а сам ничего не видит. Мечется. Потом и вовсе как бревно какое упал. Я всё время рядом на телеге ехал. Думал, может пить попросит или что. Только он лежал, и всё.

Потом вроде в чувство пришел, только оно так показалось. Слова стал кричать чужие, срамные, будто бес в него вселился. Я как мог его успокаивал. Говорю: это дружок твой, Макар! А он ничего не слышит, что-то пустое шепчет. «Где мы?» – спрашивает. Всё, думаю, отходит. Теряю я верного дружка...

* * *

Я приподнялся на телеге и попытался хоть как-то понять, что происходит. В глазах всё плыло.

– Мы где? – выдавил я, пытаюсь сфокусировать взгляд на этом Макаре.

– Как где? – не понял тот. – На волоке. Скоро до Илимского острога доберемся.

Объяснил яснее некуда, ага. Где мы? В корзине воздушного шара, как в анекдоте. И как я попал из Хабаровска на Илим? Да еще на какой-то волок... Так, стоп! Волок. Это такое пространство между двумя реками, которое нужно проходить по суше. Это я помню. А вот почему я Онуфрий, если я Андрей, понять труднее.

– Нас из Енисейска переводят в Илим-острог, – опять заговорила физиономия. – Ты с хозяином, медведем, схватился. Пока дорезал его, он тебя и помял. Думали, уже преставился без покаяния.

Вот это песня! Что-то я с каждым словом всё меньше понимаю. Итак, я казак, причем поверстанный. То есть лицо официальное, получающее жалованье, хлебное довольствие и ору-

жие из воеводской казны. Еду я из Енисейска, местного «столичного» центра, в Илимский острог. От оторопи у меня даже голова болеть перестала. Так, надо всё обдумать. Стоит взять тайм-аут. Как там физиономия представилась? Макарь? Пусть так. Поиграем в реконструктора.

– Не сердись, Макарьша, – уже намеренно прохрипел я, – не помню ничего. Шум один в ушах стоит.

Это я немного загнул. Боль к тому моменту стала отступать. Да и в голове прояснилось. Правда, понятнее не стало. Я лежал в телеге, на куче шкур, мягких и вонючих. Виднелся деревянный борт. Точно, вон чья-то спина торчит. Похоже, что женская. Здоровенная тетка что-то непонятное бубнила себе под нос. Слышен стук лошадиных копыт. Только не так, как по асфальту, а как по земле. Колеса скрипят. Видимо, смазывали их давненько.

Итак, я лежу в телеге, а телега едет по какому-то волоку. При этом я казак, которого подрал медведь. А зовут меня, чтобы всем было весело, Онуфрием. Бред? Мимо проплывали какие-то огромные сосны, загораживая обзор. Временами телегу встряхивало на очередной яме. Мои ребра при этом явно получали подтверждение, что под нами не немецкий автобан. Не, мне срочно нужен тайм-аут. Тем более что меня же медведь задрал.

Ага. Мой собеседник, похоже, поверил в мою амнезию, будто даже обрадовался чему-то. Помог мне улечься удобнее, дал попить какую-то гадость.

– Не сержусь я, Онуша. Мы ж с тобой дружки. Ты побудь тут пока. Скоро ночевка, а там и до острога доберемся. Ты лежи. Я пойду подсоблю нашим.

Макар соскочил с телеги, а я откинулся на шкуры и закрыл глаза. Подумать не вышло: попросту заснул.

Во сне очутился не на телеге, не в нормальном Хабаровске, а на непонятной поляне в еще более непонятной тайге. Посреди поляны выросло какое-то невероятное дерево. То есть видел я только ствол, который уходил вверх и терялся в небесах. Оттуда, сверху, пробивались неуверенные солнечные лучи.

Внезапно услышал какой-то звук. Опять передо мной стоял старик. Только теперь я осознал, что старик огромный, выше меня головы на две. Внешне он был типичный тунгус или эвенк: круглое лицо, раскосые глаза. Всё это обрамляли седые волосы без какого-то подобия прически. Он стоял молча, но я услышал и понял.

– Ну, вот и встретились мы с тобой, лягушонок, – проговорил старик, рассматривая меня с ног до головы, словно диговинку.

– Сам ты такое слово! – обиделся я.

– А ты смелый, лягушонок. Это хорошо. Только обижайся или не обижайся, а в этом мире всё происходит так, как я велю.

– А ты-то сам кто? – опять проговорил я. Почему-то страха не было. Скорее, любопытство.

– Я? Хозяин. Где-то меня называют Дуннэте, в других местах зовут Шебеки. Только это просто людские слова. Имя у меня одно – Хозяин.

– И чему ты хозяин?

– Как чему? – удивился старик. – Я хозяин этой земли. Я призвал тебя. Теперь тебе идти по моей лыжне.

– Как-то не очень понятно.

– Когда придет время, ты поймешь.

Как и в первый раз, изображение вдруг пошло рябью, стало размываться, и я открыл глаза.

Проснулся с замечательным ощущением, что у меня ничего не болит. Но вместе с облегчением оттого, что боль исчезла, а мусть от глаз отошла, внутрь всё сильнее стала стучаться паника. Я парень не очень пугливый (вообще, те, кто прожил девятые годы в России, уже

трудно пугаются). Но тут уже совсем особая статья. Где я? Кто я? Кто этот старик из сна? И сон ли это? Как я здесь оказался? И где это «здесь»?

«Теперь тебе идти по моей лыжне». Типа будешь делать то, что скажу. Отродясь не делал так, как кто-то требовал. И не буду. Терпеть ненавижу, когда мне кто-то что-то навязывает!

Постой, пока вроде бы никто ничего не навязывает. Так, успокоились и начинаем думать, а не пылить. Осмотрелся – вроде бы никто не бежит с дубьем кончать меня, одержимого дьяволом. А как иначе? Был человек, а стал не понять кто. Значит, стоит напрячь то, чем думают.

В чём мой риск? Не могу объяснить сам, что произошло. Как объяснишь, если не понимаешь? Но эту опасность можно обойти. Если что-то не так сделаю, сойдет за последствия черепно-мозговой травмы, потому лучше и не объяснять. Принимают меня за какого-то Онуфрия? Замечательно. Значит, я – Онуфрий. Осталось найти обнаженную Ольгу. Вот же не вовремя вспомнилось! Собственно, вспомнилась не какая-то абстрактная Ольга, а вполне конкретная Люда. Ладно, это пока отставим.

Было уже темно. Я поднялся, оперся на локоть и огляделся. Так, что мы имеем? Две телеги. На телегах возятся какие-то тетки в явно домотканой одежде – рубахи, сарафаны. Только не яркие, как в ансамблях при домах культуры, а какие-то совсем выцветшие или просто плохо окрашенные. Похоже, это не реконструкторы: всё уж слишком аутентичное. И потом, реконструкторы – актеры так себе, а этот Макара совершенно явно за меня волновался. Точнее, не за меня, конечно, а за своего дружка, в тушке которого я расположился. Так вот, если предположить, что это не горячечный бред, то я попал в прошлое. Или бред? Или нет?

Предположим – только предположим! – что я в прошлом. На Илимском волоке. Период тогда выходит – где-то вторая половина XVII века. Ну, плюс-минус три метра по карте. Скажи кому-нибудь – отправят в домик хи-хи. А если правда? И как я здесь очутился? Не понимаю. И не хочу понимать. Я домой хочу!

Опять вспомнил Люду. Стало совсем грустно. Чего голову морочил?.. Ну женился бы... Как там говорил наш препод по международным отношениям: взялся за руку – женись!.. Как же мне всё это не нравится...

Я зажмурился. Опять открыл глаза. Ничего не изменилось. Воздух, густо настоящий на запахе хвои, слегка смешанном с лошадиным потом и запахом плохо выделанных шкур, не содержал в себе ни грамма промышленных примесей, обнаруживаемых сегодня во вполне удаленных уголках. Шумы были тоже какие-то другие. Не знаю, не понял пока, какие, но другие. Такие сегодня бывают только в совсем глухой тайге или где-нибудь среди брошенных деревень по Лене.

А если я действительно в прошлом? Ага, сейчас скажу вон тем мужикам, что я из XXI века, предприниматель и даже соискатель ученой степени. Точно решат, что я одержимый. Инквизиции в богоспасаемом отечестве, к счастью, не обнаруживается, но жить в статусе убогого очень не хочется. Или просто прибьют из человеколюбия и будущих идеалов гуманизма, чтоб не мучился напрасно. Не хочу.

Я тут уже больше часа рефлексирую. А толку не просто чуть – честно скажем, никакого толку. В любом случае, стоит играть по тем правилам, которые имеют место быть. Действовать надо. Как там сказала моя недоброшенная любовь: никакого другого раза нет...

Телеги располагались на поляне, окруженной плотной стеной деревьев. В темноте не разглядишь: ели, сосны, кедры? Рядом горели два костра, яркими пятнами выделяясь на фоне подступающей темной массы тайги. У одного из них собрались человек десять мужиков. Тоже одеты не в Версаче. Как это называлось-то? Порты, кафтан и шапка. Не, шапка, колпак у того, что справа, и у – как его? – Макара. А у этого, который над котелком колдует?

Кажется, лесовица. Не иначе, охотник. Вон сзади нашито, чтобы за ворот мошка не забивалась да хвоя не падала. Сидят, балагурят о чём-то. Временами в сторону моей телеги поглядывают. А запах от их котелка... У меня аж в желудке заурчало.

У другого костра собралось едва не в два раза больше народу. Но народ другой. Местный. А кто именно – шут их знает. Сибирских-то народов было море. Кто-то с русскими воевал, а кто-то союзничал. Эти, видимо, союзники или подданные, тут не поймешь. Молча сидят кружком. На огонь смотрят. У них тоже на костре что-то готовится.

Так, а я? Попробовал в темноте осмотреть себя. Почему-то я ожидал, что моя внешность, да и одежда, остались прежними. Все же очень не хочется расставаться с иллюзией, что сейчас я зажмурюсь – и всё станет как прежде. На худой конец появится медсестра с успокоительным в шприце.

Похоже, что как прежде не станет: тело явно чужое, непривычное. Всё в царапинах, измазанных какой-то противной маслянистой мазью. Лицо поцарапано. Ребра вроде бы целы.

Я поднял руку. Ничего себе! Ручища была огромной. Мозолистая ладонь, явно привыкшая к топору, главному сибирскому инструменту, да и к оружию. Мои настоящие руки, которые из прошлой жизни, тоже на руки британского денди не были похожи, но здесь другое. Такой ручищей можно гвозди гнуть, подковы.

Одет как все. Ну, как те, что у костра: порты, сапоги. В Сибири с лаптями делать нечего. Сверху рубаха подпоясана кушаком, и какая-то роба, суконная вроде. Как это называлось? Не помню. Пусть будет кафтан. Оценив, оглядел себя. Я и прежде был совсем не маленький – полных сто семьдесят восемь сантиметров, а теперь сантиметров на десять, наверное, выше. Дядя Степа. Хотя, может, мне оно со страху так кажется.

Как же я попал сюда? Вот старик удружил, гад! С другой стороны, раз попал, значит, есть шанс вернуться. Если есть вход, то где-то есть и выход. Пока нужно врать, а там посмотрим. В отличие от письменного языка, разговорный меняется медленнее. Думаю, если немножко осторожности проявить, можно и за местного сойти – такого, слегка на голову ушибленного, местного. Главное, словечек новомодных не вставлять. Попробую.

Если лежать, точно назад не выберешься. Ладно, пойдем знакомиться со старыми друзьями. Я спрыгнул с телеги и направился к костру.

– О, Онуфрий пожаловал. Оклемался? Экий ты ладный стал после медведя. От девок отбоя не будет, – проговорил один из сидящих. Остальные засмеялись. Но без злобы.

По тому, что его одежда – как ее? кафтан? – была более других обшита мехом, и сама ткань выглядела богаче, я понял, что он был здесь главным. Да и по возрасту он постарше. Как и все, с плохо постриженной бородой, в таком же колпаке. Ну, главный так главный, мне и со смотрящими от бандитов доводилось общаться.

Люди вокруг костра тоже зашумели. Подвинулись. Я уселся.

– Ну что, Онуша, целехонек? Вспомнил, как с медведем воевал? – спросил старший. – А то Макарка говорит, что позабыл ты всё, как хозяин тебя драть начал.

– Есть такое дело, – медленно, с чувством соврал я. – Хочу вспомнить, а мочи нет. Темнота одна.

– Ишь ты, – хмыкнул тот. – Не соврал Макар. Диво такое. Взрослый казак как младенец несмышленный. Меня-то помнишь?

– Не помню, не сердчай. Ничего не помню. – Я решил, что так будет лучше, чем объяснять то, что сам никак не понимаю.

– Ну, брат. Десятник я, Николай Фомич. Старший здесь. – Он хлопнул по ножнам.

Точно, вспомнил я, сабля в Сибири не оружие. Это как золотая цепь у правильных пацанов – показатель статуса.

– Идем мы в Илим-острог. Вот уже почитай осьмую седмицу идем. Скоро и до места доберемся.

– Понял я, дядька, – кивнул я. Почему-то мне показалось, что обращение «дядька» здесь будет уместным. Похоже, угадал. Или, по крайней мере, не сильно спалился.

– А и ладно. Как топор держать да из пищали стрелять, не забыл?

– Помню. – Я подумал: а ведь и правда помню! – Людей не помню.

– Вспомнишь, – промолвил один из соседей. – Я Тимофей. Это Игнат, Трофим, Матвей, Пахом и Кузя. Мы енисейские. А вы с Макаром и Алехой аж от Тобольска идете. Вспомнил? Я покачал головой.

– Крепко, видать, тебя хозяин помял, – опять заговорил старшой. – Слыхал я, что и хуже бывает. В Томском остроге, когда киргизы напали, одного так приложило, что потом совсем убогий стал. Только пузыри пускал да лыбился. Так убогим и помер. Тебе, считай, повезло. Ладно, будет лясы точить. Медведь твой уже и сварился, и запекся. Давайте трапезничать и спать. Завтра надо до Илима дойти.

Ага. И «мой» медведь в дело пошел.

Народ стал доставать из-за голенищ сапог ложки и ножи. Интересно, а у меня как? Осторожно полез за голенище. Тут они, мои хорошие. С голоду уже не помру. Хлебанул варево. Пресновато. Картошки бы туда. Травы какие-то незнакомые... Но есть можно. Тем более что желудок уже намекал, что неплохо бы его наполнить. Ели все из общего котла. Зато запеченной медвежатины десятник выдал каждому по изрядному куску. Запеченное мясо – это вещь. Хлеба не хватает. Ну и ладно.

А время хорошее. Наверное, начало мая. Комаров с мошкой еще нет, а снега уже нет. Поел, и жизнь стала стремительно налаживаться. Сейчас бы какую-нибудь историю местную послушать.

Вопреки моим ожиданиям, баек травить не стали. Быстро опустошили котел, скинув его мытье на баб, а сами стали расползаться на ночевку. Впрочем, не все. Двоих десятник оставил сторожить. Видимо, союзникам доверяли не особенно.

Мне казалось, что я едва успел заснуть, как меня принялись тормозить. С трудом продрал глаза, я уставился на парня, кажется Тимофея, которого старшой оставил сторожем. Было еще совсем темно.

– Давай посторожи. Потом под утро Макара разбудишь. Так десятник сказал.

– Окей, – кивнул я. И захлопнул рот, поскольку осознал, что ляпнул, не подумав.

– Что?

– Встаю, говорю.

– Ну, давай. А я спать пойду, – засмеялся он.

Надо так надо. Как говорится, назвался груздем – продолжай лечение. Я огляделся. В телеге нашел топор и ручную пицаль – ружье времен царя Гороха. А где у нас порох водится? Ага. Вот мешочек. И пули рядом, уже вылитые. Здесь тебе не обойма, каждый льет пули себе. Архаика, блин. Хорошо еще, что я эту архаику более или менее представляю.

Я уселся у костра рядом с напарником, Трофимом кажется. Трофим был невысоким парнем с простым, немного курносом лицом и сивыми волосами, выдававшими в нём уроженца Русского Севера (в XVII веке поморы и были основными новоселами в Сибири). Рядом с ним лежали лук, колчан со стрелами и такой же, как у меня, топор на изрядном топорнице.

– Вечер добрый, – привычно поприветствовал я его.

– Чего уж доброго? Спать охота, – проворчал он. Потом оторвался от костра и посмотрел на меня.

– А ты чего ружье-то взял? Сломалось оно у тебя, не стреляет. Потому и полез ты с ножом на медведя, что оружие твое стрелять не хочет. Вот доберемся до места – может, там кузнец добрый найдется. Тогда и починит.

Да, весело. Я посмотрел на ружье. Ничего особого. Заряжается с дула. До казнозарядных ружей еще пилить и пилить. Хотя... Интересно. Замок был не фитильный, каким пользовались стрельцы того времени, а самый настоящий колесцовый. Это штука капризная. Сейчас посмотрю.

Я оглянулся. У телег спали мои попутчики. Чуть дальше примостились союзники, которых местные звали мирными татарами. Трофим устался в костер, думая о чём-то своем. Вроде бы тихо. Посмотрел замок. Да он просто грязный. Тут вот какое дело: твердый кремь, который высекал искру, постепенно стирал и сам механизм, быстро ломал его. Потому пользоваться старались мягким. Но он, зараза, сам ломался, забивал колесико, и оно переставало вращаться.

Я быстро разобрал механизм, благо пальцы у меня теперь были такие, что хоть подковы гни. Продул. Прочистил, как смог. Вставил новый кремь. Собрал. Проверил: искра была нормальной. Хорошо бы проверить выстрелом. Только пороха жалко (в Сибири он дефицит, насколько я помню). Да шут с ним. Проверю хоть, помню ли, как заряжать. А если порох отсыреет, скажу, что послышалось, будто кто-то идет.

Засыпал порох, закатил свинцовую горошину, пыжом заткнул, насыпал порох на полку.

– Ты чего делаешь-то? – вдруг спросил Трофим, оглянувшись от костра.

– Да вот, оружие свое починял.

– А ты умеешь?

– Да тут поломка была простая.

– Ну ты кузнец! Не умел вроде бы раньше.

– Шут его знает. Само как-то вышло. Как нашептывал кто-то.

– Должно, с правильной стороны ты ударился. Иль, может, ты колдуном стал, брат?

Трофим засмеялся. Вдруг резко оборвал смех. Схватил лук, вскочил и принялся оглядываться.

– Ты что? – спросил я

– Хрустнуло что-то, – почти шепотом проговорил он.

– Может, зверь какой?

– Нет. Непохоже. Будто человек оступился.

Я тоже принялся смотреть от костра. Но только зря таращил глаза. Все же горожанин ХХI века очень многого просто не умеет видеть. А может быть, Трофиму просто показалось?

Не показалось. Рядом взвизгнуло, и в Трофима впиалась стрела. На еще миг назад пустую поляну вывалила толпа каких-то дикарей с деревянными палками, типа пиками, луками. Было их много. При этом шума от них почти не было. Блин, перережут сонными!

Я схватил пищаль и сразу разрядил ее в быстро бежавшего к моим соратникам мужика, в стеганом халате с броневыми накладками и с какой-то железякой. Здесь полагалось бы долго плакать и бить себя в грудь на тему гуманизма и всеобщего братства. Типа так я терзался, стрелять или нет, что просто кушать не мог. Только ничего этого не было. Оттерзался я еще в прошлой жизни. Они враги, потому или ты сдохнешь, или они. Мне почему-то больше нравится вариант, когда я остаюсь жив.

Мужика и того, кто бежал за ним, смело. Расстояние было меньше двух десятков шагов, даже из такой орясины не промажешь. Громыкнуло тоже изрядно.

Мои товарищи повскакивали, принялись искать оружие. Но враги были уже совсем рядом.

Я схватил топор и кинулся на них. Зачем? Это я потом подумаю. Вся тонкая оболочка цивилизованного человека куда-то делась. Остался зверь, который боролся за свою жизнь. В тот момент в голове не было ни одной мысли, только злоба и азарт. Резко рубанул по ближайшему врагу. Тот сложился. Следующий попытался достать меня своей пикой. Я быстро уклонился и аккуратно, на автомате, вставил ему хук слева. Прошло чисто. Не помер, но из игры выведен.

Опаньки, меня кто-то решил рубануть саблей или еще чем-то неприятным. Это совсем неправильно. С топором я не спец биться, но прикрылся топором. Не уверен, что это хрестоматийный вариант, но, к счастью, получилось. Ногой пнул противника в голень. Тем вре-

менем подоспели казаки и союзники, дело пошло веселее. Очень скоро на поляне врагов не осталось.

Остановился, чувствуя приближение отката. Сзади меня кто-то тронул за плечо. Я резко обернулся. За спиной стоял десятник.

– Ну, Онуфрий, доброе дело. Без тебя нас бы всех и порезали.

Не зная, как отвечать, я неопределенно пожал плечами: дескать, рад стараться на благо и во имя.

– Одно не пойму: у тебя же ружье сломано было!

– Так я его починил.

– Сам?

– Сам.

– Ишь ты, умелец! То-то Трофим, как его Пелагея перевязывала, всё шептал: «Кузнец, кузнец». Так это он про тебя! Знаешь ремесло?

– Не очень. Немного знаю.

– Что ж раньше-то не сказал? И дружки твои не говорили.

– Так оно как-то само получилось, дядька. Не знаю я, откуда. Раньше и не было.

Я решил не выпячивать свои умения. Иди знай, смогу ли я работать без своих инструментов, станков.

– И то ладно. Спасибо тебе за всех. А что кузнечное ремесло вдруг вспомнил – дело доброе. Как до Илимского острога доберемся, всё оружие неисправное посмотри. Может, что и починишь.

Рассветал новый день, начиналась новая жизнь. Похоже, что старая сошла на нет. Ну, мы еще и в этой повоюем. Хорошо бы узнать, откуда я, кто я. Хотя время терпит. Гордый собой, я отправился к своим товарищам, которые уже поднимали союзников, чтобы ехать дальше. Над высокими деревьями вставало солнце. Солнце моего нового пути. Каким он выйдет? Для чего он? Пока не скажу. Но он будет обязательно.

Глава 3. Илимский острог

До Илимского острога больше приключений не было. Сам острог, хотя и видел я его реконструкцию в сети, впечатления не произвел. Он протянулся вдоль небольшой реки Илима шагов на сто – сто двадцать. Сейчас там водохранилище, а в те давние годы был торг. На том торге мирные туземцы с мехами, медом, мясом, рыбой сходились с русскими купцами и приказчиками с товарами из Руси: главным образом оружием, скобяными изделиями, инструментами. Везли на торг хлебушек и соль, которые русские промысловые люди охотно меняли за пушнину.

Когда-то знаменитый енисейский атаман Иван Галкин по пути к Лене поставил здесь острожек. Постепенно вокруг него торг и сложился. И местные торговали, и из Енисейска, а позже и из Якутска, ставшего столицей воеводства, приезжали торговать. Прибывали даже монголы и бухарцы. Правда, нечасто.

А где торг, там и люди селятся. В остроге живут приказчик с ближниками, поверстанные казаки и целовальники, чтобы подать собирать за въезд и выезд, за торговлю, за постой, за всё на свете. Там же склады, где хранится ясак от местных народов, которые русскому царю шерть дали – присягнули на верность. Ясак тот по Лене отправляли в Якутск или в Енисейск. Откуда он уже шел в Москву, в Сибирский приказ.

Сам же острог был не особенно сильным. Башни мощные. Две проезжие, с воротами. Одна – в сторону Енисея, другая – в сторону Лены. Стоят раскаты, а на них пара пушек. А вот стены слабоваты: не из клетей, не двойные, забитые землей, чтобы ни стрела, ни ядро не пробило, а палисадом из стволов деревьев, прибитых к врытым в землю столбам. Стволы, конечно, крепкие, но настоящую осаду не выдержат. Галкин-то ставил острог не для обороны, а чтобы зиму перезимовать да летом немирные народы на Лене покорять. С Галкиным шел и Ерофей Хабаров со своими людьми. Они хоть и не поверстанные были, а вооружены не хуже. Всё-таки богатый был дядька.

Всё это я знал еще по диплому и диссеру. Не то чтобы особенно глубоко, но что-то помнил. Вот теперь и сравнивал прочитанное и увиденное, пока наш небольшой караван втягивался в острог через проезжую башню.

Внутри острога казаки остались распрягать лошадей, разбирать телеги. Я вместе со всеми разбирал мешки, какие-то кули. Трофима с его простреленным плечом от всех хозяйственных дел освободили. Ему еще хорошо если месяц до здоровья. Пока же он остался лежать в телеге под присмотром жены десятника, суровой бабы, способной не только коня остановить на скаку, но и врачевать. На местном, конечно, уровне.

Сам же десятник отправился к приказчику (так называли начальство пониже воеводы – того, кто приказывает). Вернулся он нескоро и изрядно навеселе. Хитро подмигнул казакам.

– Слушай меня, братцы! – гаркнул он. – Вон в той избе нам дадут житное и оружное жалованье. Приказчик, Демьян Тимофеевич, жалуется. Пока здесь поживем, в свободных избах. А строиться будем в слободе. Понятно сказано?

Казаки загудели в том смысле, что понятно. Я тоже погудел в унисон. Не в моем положении выпендриваться: помню далеко не всё. Точнее, не помню-то я ничего. Скорее, не всё еще здесь понимаю.

Десятник с Кузьмой, который, как оказалось, был его племянником, получили пять изрядных мешков с зерном и мешочки с порохом, кремь для замков, свинец для пуль. Как мне помнилось, полагались еще деньги. Но денег нам не дали. То ли неправильно я помнил, то ли приказчик решил, что ему деньги нужнее. Но все промолчали. Я тоже не стал бочку катить: тут стоит присмотреться, обжиться, понять, что к чему.

За пару месяцев обжились. Дома себе построили, благо леса завалились. Вместе валили деревья, очищали их от веток и сучьев. Особое искусство – потом делать венцы. Честно скажем, у меня получалось не особенно. Хуже только у Трофима: он второй рукой еще не очень владел. Макар, с которым мы вроде бы выросли вместе, порой изумленно поглядывал на мой очередной косяк, но ничего не говорил. Я тоже не стал объясняться. Потом вместе складывали срубы, делали крышу.

Кстати, сдружились. Парни оказались классные. Вроде бы и «под погонами», а вроде бы и вольница разбойничья. Где-то посередине. Меня это сильно удивляло: взять то, что плохо лежит или некому защитить – святое дело, но не государеву казну. Тут всё серьезно. За нее и бой принять можно, и жизнью рискнуть. Собственно, работа наша и состояла в том, чтобы ездить по стоянкам местных людей, ясак собирать, а потом весь его в Якутск возить.

Особое искусство – складывать печи. Сделать избу по-черному – штука несложная: в центре выкладывают очаг, на крыше делают пазухи, чтобы дым хоть как-то вытягивало. Топи и живи в свое удовольствие. Многие, между прочим, так и жили, но наш десятник, дядька Николай, нашел печника. Договорился, что платить будем не деньгами, а отработаем. Отработали. Всё лучше, чем деньгой, которой почти не было.

Да, забыл сказать. Узнал, что я не просто Онуфрий, а Онуфрий Степанов сын. Поскольку же прозвище Кузнец прилипло ко мне намертво, то, скорее всего, вселился я в сподвижника Ерофея Хабарова (помню, был такой персонаж в истории Приамурья). Не совсем по моему профилю, но рядом. Узнал я и то, что год сейчас 7155-й от сотворения мира. То есть 1647-й в привычном мне исчислении.

Прикольно. Получается, что я свою жизнь знаю почти до самой смерти. И жизни той остается совсем немного, если я ничего не путаю. Плохо только то, что, как и положено историку-самоучке, знаю я ее в самых общих чертах. Правда, в общих чертах жить жизнь не выходит: конкретная она штука. Здесь надо не только земли открывать-завоевывать, а есть, пить и где-то жить.

Потому пока я не строил планов на будущее, а просто обживал свое настоящее. На то, чтобы подумать, как эту жизнь лучше выстроить, просто не оставалось времени. Может, я и есть тот джокер Приамурья? Посмотрим. Пока же обжиться нужно. А там... вдруг и всплывет возможность обратно вернуться. Или хоть что-то понять. В любом варианте погибать я не собираюсь.

Хоть плотник я был не очень, но с помощью всего общества сколотил и себе пятистенки. Вполне себе комфортное жилье по нынешним годам. Даже с печью. Печь и делит дом на кухонную зону и спальную. Чем-то напоминает студию. В богатых домах делали светелки, горницы, пристройки в башенках. Для такого жилья я пока рожей не вышел (впрочем, как и большая часть моих друзей). Спал на лежанке на печи или на лавке, когда лень было на лежанку лезть. Накрывался медвежьей шкурой. Точнее, просто заворачивался в нее. Так она сразу была и матрасом с простыней, и одеялом.

Сначала сам стряпал. А потом, как деньги завелись, купил себе тетку из местных народов, но крещеную (язычников тогда закабалить запрещали). Не для плотских утех, хоть оно по мужским делам и подмывало. Но русских девок или красивых тунгусок и буряток было немного. Потому от греха подальше решил пока, как Челентано, дрова рубить. Кстати, неплохо помогает. Эта моя работница была не особенно красива и совсем не молода. Лет за сорок точно. Плотских мыслей особо не возбуждала. И это тоже было неплохо. Точнее, так я себя уговаривал.

Вот стряпать и стирать она мне стала. Правда, сначала я долго внушал ей необходимость мыть руки, да и самой держать себя в чистоте. У нее, как и у многих местных, про то были свои соображения. Не то что совсем не было привычки мыться, но к человеческим запахам

относились намного спокойнее. Мне же оно было тяжело. Решил, что, поскольку я главный, пусть меняет привычки она, а не я.

К слову, с деньгами вышла и совсем смешная картина. Поначалу было грустно: как оказалось, кроме оружия да горстки «московок» (мелких медных монет), денег у меня не было совсем. Еще были небольшой узел со жратвой да мешок с одеждой. Как сказал Макар, остальное мы в Енисейске продали, чтоб прокормиться. Что покупать, как в этом мире жить на имеющиеся деньги, я не представлял совсем. Картошки нет, помидорчики отсутствуют.

Моим Вергилием стал Алешка, который оказался вполне хозяйственным парнем. Я увязался с ним на торг, просто скупая то же, что он. На свои монеты купил я сала, лука, брюквы, мешок, бобов. С тем и жил. Выручали охота с рыбалкой. Рыба была такая, что современные рыбаки удавились бы от зависти. Но все равно выходило никак не ресторан с мишленовскими звездами.

Вот как-то в погожий денек, когда нас не погнали ни службу служить, ни в Якутск ехать, шлялся я по торгу. Торг был изрядный. Сам острог со слободой имел меньше пятисот человек жителей, а на торжище собиралось порой и вдвое больше.

Так вот, бродил я по торгу. Денег у меня не было. Потому бродил я безо всякого толку, на товары глазел. Порой и диковинки встречались. В тот раз я и наткнулся на часы-луковицу. Красота. Хоть и не из золота, но глазурью покрыты. Правда, стрелки не идут. Стояло это чудо механической мысли в лавке русского приказчика какого-то богатого купца. Почему богатого? А возле лавки стояли два дуба в человеческом облике – охранники. Простому торговцу такое не по карману. В лавке торговали дорогим восточным товаром: шелком, парчой, всякими украшениями. Чтобы получше рассмотреть диковинку, решил прицениться.

– Почем часы продаешь? – спросил я мужика, мелкого, однако в дорогом зипуне с меховой оторочкой.

– По три рубли, – буркнул он. – И то потому, что поломаты они. Были бы целыми, им бы цена была не меньше пяти рублей.

Я, пытаюсь понять поломку, крутил часы и так, и эдак. Блин, тут пока не разберешь, не поймешь.

– А если я починю, – говорю заморышу, – сколько заплатишь?

– А умеешь? – хитро так смотрит на меня.

– А то. Мне их разобрать нужно. Тогда и починю.

– Ишь ты, мастер какой выискался. Возьмешь, а потом ищи тебя.

– Так у тебя их поломанными и вовсе никто не купит.

Мужик задумался. Потом отчаянно махнул рукой:

– Эх, ладно. Только чинить здесь будешь. Починишь – дам пятиалтынный серебром.

Это были очень даже деньги. Мне за год службы полагалось два рубля, то есть около шестидесяти алтынов. А тут сразу пять. Считаю, оплата за месяц службы. Я согласился.

Механизм оказался довольно простой. Всех дел было – соскочившую шестеренку на место поставить. Но без инструментов, с одним ножом, да и с торговцем, сурово приглядывавшим, как бы я чего не спер, провозился больше двух часов. Собрал, закрыл, завел ключом. Тут и музыка какая-то простенькая заиграла. Ну, это она для меня простенькая, а местный люд повалил, как на второе пришествие. Кто-то и часы купил. Да и еще много чего накупили. Купец мне на радостях аж два пятиалтынных отсыпал.

После того случая сарафанное радио и заработало. Стали люди ко мне со всякими механическими и металлическими делами ходить. Кто бронь, кто оружие починить. Нашим-то я ружья прочистил, кремль поменял, где было нужно, механизм почистил. Они тоже про меня кому-то рассказали. Словом, пошел слух, что есть в остроге умелый кузнец.

В принципе, была в остроге и своя кузня. Но туда больше ходили лошадь подковать, серп или топор поправить. Ко мне же чаще по механическим делам, особенно с огнестрелом.

Соорудил я себе небольшую пристройку к пятистенку, сделал там мастерскую. Стал даже для детишек игрушки делать, пилы мастерил, что считалось филигранной работой, а для взрослых – самострелы. Разбирали, как пирожки. По тому времени самострел на охоте даже удобнее, чем ружье. И тише намного.

Подати казаки не платили. Постепенно стал я человеком состоятельным. К дому еще один пятистенок пристроил. Не то чтобы сильно нужно было, но, как говорится, положение обязывает. Дом изгородью обнес, баньку сбил. Обжился, одним словом.

Если бы не служба, так жил бы и жил. Поклонником интернета я так и не стал, кино любил, но без фанатизма. А тут у меня вся жизнь – исторический фильм-киноэпопея. Единственное, читать я любил. А книжек не было от слова совсем. Но я как-то привык без книг обходиться. Тут вместо книг рассказы были, байки местные.

Не так часто, но собирались и с теми, с кем пришлось идти от Енисейска, а то и от Тобольска. Сидели в большом доме десятника. Дом был необычным. Три клетки составлены вместе, большие сени. При доме огородик уже разведен, хозяйство. Одна комната была особо большая. Там были окна изрядные. Такие комнаты называли светлицами. Топить их сложно, но их наличие – показатель достатка.

В светлице за столом собирался весь десяток. Пили сбитень – такое варево из мёда – вместо чая. С чаем пока была напряженка. Не сбитень тоже пили. Главное, разговоры разговаривали. Там я, кстати, узнал, что из Тобольска мы ушли не по своей воле, а по жалобе московского гонца. Алеша как-то об этом рассказал. Хотя больше он рассказывал, как хороши девки в Тобольске. Впрочем, и здесь он тоже не терялся. Енисейские больше рассказывали про походы: воевали там много и с охотой.

Однако чаще рассказывал хозяин дома. Он был постарше, опытнее. Уважали его. И рассказы у него были – настоящая устная неторопливая история. Потрясающие рассказы, невероятно драматичные, но без надрыва, а даже с какой-то смешинкой.

Где его только не носило. Ходил он по Оби-реке к «златокипящей Мангазее» (это город такой на Севере, легенда и была Сибири). По его рассказам выходило, что там меха можно было и вовсе за копейки покупать или самому ценного зверька набить на такую деньгу, что на всю жизнь хватит. Поставили тот город еще новгородцы, а знаменитый атаман Максим Перфильев, строитель Братского острога, на месте фактории вольного Новгорода крепость поставил со своими казаками.

Воевал десятник с телеутами на Алтае, когда кочевники вломили казакам под началом дворянина Федора Пушина по первое число. Тот попал в засаду, оставив там едва не половину отряда. Где-то это имя я слышал. Друг у Пушкина был Пущин. Это да. Но еще что-то было... Вспомнил! В Якутске есть такой. Неужели тот самый? Да, носит людей по Сибири-матушке...

Особенно часто рассказывал десятник Николай Фомич про знаменитейшего енисейского атамана Ивана Галкина. По нему выходило, что все земли за Енисеем и Байкалом его отряды завоевывали. Острогов и зимовий тот основал кучу, якутов под государеву руку привел. Братов (так здесь бурятов называли) уговорил почти без оружия, что случалось нечасто.

И сам Илимский острог тоже он построил. Для меня самым странным было то, что о нём упоминалось в книгах только вскользь, в сносках. О Ермаке, который и сам погиб, и людей своих погубил, народная легенда сложилась, тома и тома книг написаны. Про Пояркова, который само имя свое позором покрыл, песни поют, пароходы его именем называют. Даже о Хабарове любой грамотный человек хотя бы слышал. А о Перфильеве и Галкине – совсем немного. Вот и говори потом, что история всех рассудит. Дрянь она продажная.

К слову, от десятника я впервые здесь услышал о богатом ленском человеке Ярке Святицком – Хабарове. Ярko – это здешнее произношение гордого имени Ерофей. А Святицким его звали по родной деревне, так в Сибири часто прозывали. Его отряд шел на Лену вместе с

Галкиным. По словам десятника, был он сильный и хитрый мужик, который любое дело по-своему обернет. Он с братом Никифором всю теневую торговлю по Енисею и Лене держал.

Никифор вез в Сибирь товары из Руси, такие, которые в здешних местах были нужны. Здесь Хабаров менял их на меха. Их мимо таможи везли в Архангельск. Так делали многие купчинушки, хотя карали за такие дела жестко. Но Хабаровы здесь были наибольшие, особенно Ерофей. Даже в Москве его знали; кто-то поддерживал, а кто-то и побаивался. Вот такая картинка. Чем тебе не литература?

Потихоньку в доме становилось уютно. Вечерами мастерил я себе что-то, делал всякие бытовые приспособы, со служанкой своей болтал. Она тоже сидмя не сидела. Вот и становилось лучше жить.

А вечером у нагретой печи отчего не поболтать? Работница моя по-русски вполне прилично говорила. Точнее, только она и говорила. Рассказывала мне про свой народ. Там всё как обычно – богатыри, мистические звери, мудрые шаманы и шаманки, провидящие будущее. Словом, стандартный набор.

Интересно было про три мира. Верхний мир, конечно, был главный, только роль его была в жизни людей не особенно велика. Духи верхнего мира сражались друг с другом, воровали солнце. Тут, понятное дело, появлялся герой, который оно солнце спасал. Нижние духи тоже были не особенно привычными. Они совсем не обязательно были злыми. Чаще наоборот, были покровителями семьи, рода. Самыми же главными были духи среднего мира, где люди и жили. Духи здесь тоже были разными. Были злыми и опасными, способными выпить кровь или наслать болезнь.

Но были и духи – покровители охоты. Эти жили целыми племенами, называли их Кали. Жил, по ее словам, дух в каждом предмете, в каждом дереве, кусте, звере. Был дух очага. Ему она обязательно бросала подношение, затапливая печь.

Но самыми важными были хозяева тайги. Они могли быть и людьми, и зверями. Чаще медведями, но могли оленями или тиграми. Хозяин предупреждал об опасности, мог отвести беду, направить на путь. Но если гневался, то не было духа страшнее. Чаще всего выглядит он как старик. Только одет в рубаху, вывернутую наизнанку. Тут я аж восторженно вскрикнул: не иначе, мне сам Хозяин явился! Да и ладно.

Много было духов в тех местах. Рассказывала она про них здорово. Про медведей, которые на самом деле люди, только умершие, или могучие духи, помогающие хорошим людям и мешающие плохим. Рассказывала про страшных духов, что нагоняют сон, за которым смерть приходит. Про богатырей, которые с теми духами, прикидывающимися то змеей, то волком облезлым, сражаются. Про то, как шаманы с духами разговаривают. Если бы наши гиды так умели рассказывать про Хабаровск, отбоя бы от туристов не было.

Как-то спросил ее в шутку:

– Ты, наверное, сама шаманка?

– Я был совсем слабый шаманка, – чуть коверкая слова, отвечала она.

– А с духами говорить можешь?

– Можешь, только они теперь плохо со мной говорят, – печально отвечала служанка, показывая на крест. Типа с христианами духи не говорят. Хотя, как я понял, христианский бог для нее – дух верхнего мира. Их почитают, но стараются не связываться. – Только Дуннэ со мной говорит.

– Кто такая Дуннэ?

– Это Хозяйка. Она всё знает. Она дает ребенка, оленям приплод дает, волкам. Женщину защищает.

– А про мою судьбу можешь у нее спросить? – тут я уже почти серьезно говорил. Шут его знает, как-то же надо понять: почему я здесь?

Не сразу, но она согласилась спросить духов обо мне. Оно, конечно, не вполне христиански, да и не по фэншуй. Но уж очень меня подмывало.

В крещении дали моей гадалке имя Елена. Ленкой и я ее звал. Так вот. Одевалась она в обычную русскую одежду. Только что кожа желтее да лицо круглое. А так баба и баба. Немолодая, крепкая, за словом в карман не полезет.

Сказала она мне на лавке лечь, а сама в свою комнату ушла. Долго ее не было. Потом заходит – я аж обалдел – в каких-то своих тунгусских одеждах. Пестрые лохмотья, иначе и не определишь. Все в каких-то завязочках, на голове венец странный, в руке плоская с каким-то варевом. Мне подает и говорит: «Пить надо, иначе духи не придут». Не хотелось травиться, но что делать, сам же попросил. Выпил. Горько, но терпеть можно.

Лег опять на лавку, жду, что дальше будет. Поначалу ничего и не было. Ленка маленький такой бубен достала и давай по нему настукивать, возле меня кружиться, что-то нашептывать. Потом от нее какие-то змейки световые пошли. Не знаю, как описать это. Может, не змейки, а вихри из света. Комната поплыла, стала размываться.

Я вдруг увидел себя совсем юным, с мамой и папой. Мы идем по улице Карла Маркса – так тогда называлась центральная улица Хабаровска (сейчас она частью осталась Карлой, а частью стала улицей Муравьева-Амурского). Идем мы в детский парк. Солнце светит, радостно всё. И так на душе тепло, что просто невозможно.

Потом опять стали змейки наползать. Вот я уже в мастерской, вытачиваю какую-то деталь для очередного арбалета. И так всё реально. Металл чувствую, тепло от нагревателя. Словно жизнь заново проживаю. Много таких картинок появлялось. Первая любовь была, Люда была с ее эльфийскими песенками, башня Инфиделя. И все они змейками смывались.

А потом уже здешние пошли. Всё больше бои. И врагов с каждым разом всё больше. Накатывают и накатывают. Вдруг всё исчезло. Осталось лицо какого-то немолодого узкоглазого мужика. Смотрит он на меня пристально, ждет чего-то. Потом и вовсе мгла накатила, ничего не осталось. Я от огорчения чуть не заплакал.

Чувствую, Ленка меня теребит. Говорит: «Вставай, Кузнец. Духи больше говорить не будут».

Открыл я глаза. Лежу на той же лавке. Ленка уже в нормальной одежде сидит.

– И что, – спрашиваю, – тебе духи сказали?

– Духи много сказали, – говорит она. И смотрит на меня сердито так и встревоженно.

– Ну, говори!

– Сказали, ты – не из нашего мира. Ты не хотел сюда, но попал.

Я обалдел. Крутые у моей Ленки духи.

– И как мне теперь быть? Как выбраться?

– Ты сюда не просто попал, Кузнец. Тебя земля призвала по Великой реке. Дух земли призвал. Дун-нэте – муж Хозяйки. Как пройдешь по его лыжне, так освободишься и домой вернешься. Я про это не скажу. Ты тоже говорить не надо. Думать надо, делать. Не кровь делать. Надо мир делать.

– Да почему я-то? Что, покруче никого не нашлось? – аж взвыл я с досады.

– Дух решил, что так будет правильно. Дух мудрый. Он живет столько, сколько мир живет. Много видел.

– Ну, есть же всякие герои, сама говорила, богатыри. Я-то что?

– Дух выбрал. Он знает. Если не сможешь, беда будет. Не будет на этой земле счастья. Другой человек будет эту землю спасти. Если сможет. Дух другой человек выберет.

Вот такая у нас телеграммка. Не какой-то архитектор двинутый, а целый дух меня выбрал по каким-то своим резонам. Поиграть со мной решил. Точнее, не со мной, а мной, как фигуркой. Не люблю я такие варианты. Типа делай то, что умные дяди посоветовали. Как-то привык

я своим умом жить. Так и будет. А то, что я хоть в общих чертах знаю будущее, так это просто мой рояль в кустах будет, хотя пока я и не придумал, как его технично использовать.

В тот день, да и на следующий, я думал. С Ленкой о ее гадании больше не говорили. Она вела себя, как и прежде. Только вдруг, когда она думала, что не замечу, я чувствовал на себе ее настороженный взгляд. Что-то она своей шаманской головой поняла, что мне еще предстоит понять. В любом случае, путь мой – в тунгусскую и маньчжурскую землю, в Приамурье. А там посмотрим. Пока же нужно просто жить. Службу тащить опять же.

От службы никуда не денешься. На всю Илимскую волость была по спискам только сотня служивых. Приходилось мотаться по десяткам острожков, зимовий, стоянок, собирать ясак. То есть выражение такое – собирать ясак. На самом деле здесь куча нюансов. Казаки все эти нюансы знали. Я же поначалу только успевал за ними следить, чтобы уж совсем не оплошать.

Итак, где-то ясак собирали. Это были маленькие, слабые роды и племена. Они сами приносили меха на установленное место. В этом случае мы должны были проехать по территории их более сильных соседей и немножко победокурить. Типа зверей поугатать и охотников, если таковые покажутся. Тем самым мы демонстрировали, что слабые находятся под нашей защитой.

Если данники были не очень слабыми, часто приходилось ясак брать с боем, как тогда говорили «погромно брать». При всем том, что казаки были сильными воинами, умели бить из засады, быстро строить засеки и палисады, стрелять залпами и многое другое, стрелы аборигенов тоже были не из пластмассы с присосками. А на засады местные были такими мастерами – только держись. Каждый из десятка уже успел схлопотать по стреле. К счастью, не смертельно. Но неприятно, это точно.

Тем более что с медициной в это время всё обстояло печально. Лечили травницы, колдуньи. Порой вылечивали, а порой и нет – как масть ляжет. Мне довелось два раза пользоваться их услугами. Один раз стрелой пробило руку. Хорошо, что кость не задело, только мякоть зацепило. Но рана, как водится, воспалилась, потом долго заживала. Второй раз камень в голову попал, когда отбивались от нас «союзники» всем, что под руку попало. Тут просто отлежался немного, да отвара мерзкого попить пришлось.

Был и третий вариант. Если племя было совсем сильным и воинственным, то сбор ясака становился, по сути, торговлей. У десятника с собой был мешок с бусами, дешевой материей, не особенно качественными ножами, еще какой-то ерундой. Вот это и меняли на меха. Однако нет-нет да и нападали местные на русские караваны. Непростая служба.

Вот в Якутск ездить было интереснее. Посуху почти не нужно переползать, судно перетаскивать. В основном шли на коче – корабле с парусным вооружением и веслами. Вместить коч мог до полусотни народа, но обычно шло меньше. Собирался десяток казаков, загружались продовольствие и ясак, и начиналось плавание.

В отличие от Енисея с его порогами, которые приходилось обходить посуху, перетаскивая на себе судно, Лена текла неторопливо. Потому и плавание длилось максимум две недели, а не два месяца, как до Енисейска. Одно было плохо: как выпадало безделье – так всплывала та, другая, жизнь. Вспоминал свою мастерскую, свою уютную квартирку, девчонок своих вспоминал. Про Людку думал. От таких мыслей рождалась сильнейшая тоска, мысли мне путала, настроение снижала в ноль. Но я старался не сдаваться.

Якутск мне понравился. Во всяком случае, он был намного интереснее, чем Якутск в мое время. Хотя пойми сейчас, какое из времен мое. Такая аутентичная деревянная крепость. Стены мощные, настоящие, из двух рядов огромных бревен сложены, землей наполнены. Любое ядро увязнет. Стрела не пробьет, не подожжет огромные мореные деревьяшки. Шесть проезжих башен, раскаты с пушками.

Несколько тысяч человек народа живет за стенами и в детинце. По сибирским меркам того времени – мегаполис. Кроме казаков есть и стрельцы, всякие подьячие. Торг немаленький.

Главная улица замощена деревянными плашками. Есть лавки, кабаки. При кабаках комнаты и срамные девки. Цивилизация, однако. Был даже злой воевода Головин, что народ почем зря обижал. Собственно, мне до злого воеводы дел особых не было. Дом воеводы видел только издали: такой вполне себе дворец, терем боярский.

Десятник в приказную избу сдавал ясак, получал грамоту, и мы благополучно возвращались обратно. Тут всплыл мой второй талант. Оказалось, что кроме меня читать не умел в десятке никто, даже сам десятник.

Дело было так. Приехали мы в очередной раз сдавать меха. Обычно десятник кого-то из енисейских с собой брал, а тут взял меня и Макара. Почему – шут его знает. Пошли мы в воеводскую приказную избу (это типа мэрии или даже местного правительства): дом в два этажа со светелками, высоким крыльцом; круче был только воеводский двор. Оба стояли в детинце – местной цитадели.

Ну, там подьячий такой сидит, ясак под запись принимает. Так, говорит, принесли два на десять сороков соболей. Десятник эти сорока перед ним и его служками выкладывает и пером что-то в своей грамоте пишет. Обычно после сдачи десятник ставил свой крестик, что всё верно, а подьячий объявлял, сколько недоимок осталось. С той грамотой и шли в обратный путь.

Я уже давно стал замечать, что как-то у меня бухгалтерия в голове не сходилась. Опыт-то коммерсантский был. Вот я и встал аккуратно дьяку за спину, в грамоту заглянул. И от увиденного чуть челюстью об пол не стукнул. Дяденька произносил «два на десять», то есть двенадцать. А писал «десять» (цифры писали в то время буквицей, не сразу разберешь; хорошо, что я таможенные книги штудировал много лет). Словом, обманывал, гад, как мог. И так всюду: по соболям, по лисицам, по медвежьим шкурам.

Я аккуратно эту грамотку-то у него и выдернул. Слава богу, ни ростом, ни силой меня господь не обидел.

Теперь уже у дьяка челюсть отвисла:

– Ты, что, казак, совсем стыд потерял?! Что творишь татьбу?!

Даже наши удивились:

– Ты что, Кузнец, делаешь?

– Погодите, братцы, почитайте, что государев человек в грамоте пишет!

– Так ты грамотей? – взвизгнул подьячий. И своим моргает, чтобы меха в казну тащили.

– Погодь! – кричу. – Не давай им, дядька, меха уносить.

Наши служек турнули. Позвал десятник грамотного человека из местных. Стали заново считать, что уже сдано, с записью в грамоте сверяться. Тут подьячий и спекся. Дело понятное: потом продаст честно стыренное на сторону. И было бы ему счастье, если бы меня не принесло.

Позвали дьяка, тот – ката, местного палача-дознавателя. Шум, крик. Наши подбежали оружные.

Казаки здешние со стрелцами подтянулись. Я им спокойно так всё и выложил.

Что было подьячему, не знаю. Надеюсь, что хоть плетей он отведать. Хотя, может, и откупился. Такие пройдохи всегда в шоколаде. Нам же новую грамоту справили, без недоимок. После этого чинуши возненавидели меня сильнее, чем врага рода человеческого. Только мне с ними детей не крестить, переживу. Зато для своих я взлетел на небывалую высоту.

Со мной стали советоваться по житейским делам, я писал челобитные и письма родне. Даже пару раз третейским судьей быть довелось. Молва о Кузнце шла по всем близлежащим острожкам. Словом, на следующий год по представлению илимских казаков поверстали меня десятником. Другой бы радовался, но мне с того радости особой не было.

В тот вечер я хорошо посидел. Не успел в себя прийти, как явился ко мне посланец от приказчика, к нему позвал. Я едва успел на себя ведро воды вылить, чтобы хоть что-то соображать. Оделся и побежал.

* * *

Приказчик Илимской земли сидел в горнице, подальше от ближников и домочадцев. Самое место, чтобы спокойно подумать, решить дело к миру, а не к войне. Человек он был немолодой, к полувеку подбиралось. Уже и голова, и борода в серебряных нитях. Начинал в давние годы службу под Тобольском, потом в Томске служил уже десятником. На киргизов в походы ходил, на телеутов. Был лихой рубака. Но это всё прошлое. Теперь под ним целая сотня казаков, острог большой, земля немалая.

Да и сам он ныне белая кость, сын боярский. В хозяйстве и поля хлебные, и волок на Лену, и солеварни, и государева таможня, и людишки ясачные. И везде нужен хозяйский глаз. И глаз тот не такой, как на Руси, где правят кнутом и силой. Здесь так нельзя. Власть не у того, кто саблей размахивает или в богатой шубе ходит, а у того, кто больше правильных людей одаривает, своих людей. Тот власть, кто сумеет со всеми договориться.

Оно, конечно, без силы и власть не власть, только на одной силе долго не просидишь. Вон воевода Головин аж четыре сотни стрельцов с собой привез. Бунты подавлял, людей казнил. А слетел с места. Хорошо еще, что целым в Москву убрался, а то ведь могли и прирезать тихонько.

Но сегодня приказчик думал не про воеводу, а про простого казака. Ну, не совсем простого, а десятника. По сибирским понятиям – уже начальник над людьми, и немалый. Ничего плохого за парнем не знается. Станный немного, но в Сибири много людишек разных, есть и странные.

Только слишком быстро стал он вверх идти. И кузнецом оказался, и грамотеем. От службы не бегают. Если нужно, и в бой вступает. Людям помогает. Года не прошло, а он уже десятник. И всё правильно. Да не всё: для приказчика и его людей он как был, так и остался чужаком. А слишком резвые чужаки – это опасно. Это тебе не Русь, где сел за стол – уже начальник. Здесь за свое место нужно держаться. Покажешь слабинку – считай, что и нет тебя.

Можно, конечно, того казака и к ногтю прижать, силушки и власти хватит. Только шум будет, негоже. Нужно его тихо как-то отправить туда, где вреда от него меньше. Думал приказчик уже почти час, да мысли блуждали. Вспомнил про ясак. Новый воевода не драл три шкуры, как Головин, но тоже не миловал. Нужно казачков к туземцам послать. Посмотреть, что в ясачной избе скопилось. Хорошо бы в Якутск караван днями отправить. До Усть-Кута, а там на стругах.

Эх, опять мысль скользнула и убежала. Точно! Усть-Кут. Там на солеварне воевода Пушкин приказчика к себе отозвал. Место хлебное и, что важно, от Илима далекое. Пусть молодец себя там покажет.

Решив, воевода позвал ближних людей и велел вызвать молодого десятника.

* * *

Важный приказной человек, что-то типа градоначальника, сидел в горнице за столом со своими ближниками. Меня пригласили за стол. Все опрокинули по стопке хлебного вина – самогона. Потом начался неспешный разговор.

Уже пожив месяца полтора в новом или старом – как посмотреть – мире, я понял одну простую, но очень важную вещь: власть в сибирских городах была не назначенная, а захваченная. По крайней мере, на востоке Сибири. Новый воевода или приказчик прибывал вместе со своей ватагой или отрядом. Прежний отряд уходил на новое место. Если такого не случалось, была война. Победитель и становился приказчиком, а его ватага и ближники были ему опорой.

Если же прибывал назначенный человек без своей силы, то и правил, и жил он недолго: Сибирь – страна большая, можно оступиться, съесть чего не того или лютому зверю попасться. Но, как правило, назначали сильных или просто закрепляли то, что уже сложилось. Остальные ватажки, помельче, были вынуждены приспособливаться к главной, входить в нее на ее правилах. Авторитетные казаки не из своей ватаги были совсем не нужны приказчику, да и воеводе. Вот и я, неожиданно для себя оказавшись в авторитете, мог вполне попасть под раздачу. И, честно сказать, сильно этого не хотел.

Но Демьян Тимофеевич – пятидесятник, приказчик и сын боярский – оказался человеком не только властным, но и умным. Всё-таки люди ко мне относились хорошо. И буча в остроге ему была совсем не нужна. А нужен был выход: как сплавить меня из Илима, вроде бы и честь выказав.

Вот он и порешил, что десятник ему в Илимском остроге не нужен. Зато нужен ему свой человек (тоже приказчик) в Усть-Кутских солеварнях. О том мне и было сказано. Солеварение было делом важным. Соли в Сибири не хватало, везли ее издалека. А тут своя. Ею снабжали и Якутск, и Енисейск, и десятки других городков, слободок и острожков.

Солеварни были государевы (которыми я и должен управлять) и частные. Ими владел Ерофей Хабаров. На первых работали кабальные и закупы (неоплатные должники). У Хабарова всё больше работали покрученники, обычные наемные работники, хотя были там и кабальники.

Только обжился – опять в дорогу. Всё как в учебнике истории. «В 1648 году Онуфрий Степанов Кузнец был переведен из Илима приказчиком на Усть-Кутские солеварни». Или не совсем. Так мне не совсем нравится. Не очень хочется просто отыграть свою роль и слиться. Поглядеть будем, как говорится.

Провожали меня чуть не всей слободой. Отдельно попрощался с Ленкой. Дал ей вольную, дал денег на то, чтобы жить: всё же почти год под одной крышей мыкались. Да и о словах ее про возвращение всё время думал. Как бы мне мимо того духа проскочить и с ним не поцапаться.

Так она еще на прощанье говорит:

– Помни, дух говорит не просто. Если он говорит уйти – уходи и не спорь. Мне отец рассказывал, как его какой-то старик всё из зимовья гнал. Тот и ушел. Кое-как до стойбища дошел. А то зимовье всё медведь-шатун разбил, людей загрыз. Слушай духа.

Попрощался с дядькой-десятником. Обнялись. Хорошо попрощался с людьми илимскими. Вроде бы за год ни с кем пособачиться не успел, друзей завел. Со мной и моим новым десятком ехали трое казаков из тех, с кем год назад я прибыл в Илим: Макар, Трофим и Тимофей. С ними сошлись ближе, чем с другими, вот и договорился я с Николаем Фомичом, чтоб они со мной пошли. Алексей, с которым шли с самого Тобольска, женился, обжился, идти незнамо куда не захотел. Ну что ж, нет так нет.

Барахла у меня накопилось изрядно. Но взял я с собой только оружие и приспособы для всяких кузнечных и механических дел. Дом оставил Ленке. Может, она себе еще мужика приглядит. Ну и деньги взял, не без того. Аж тридцать рублей серебром оказалось. По тем временам для казака это были огромные деньги. Их было бы еще больше, только я рублей семнадцать на инструменты потратил и саблю купил. Не понтовую, а такую, рабочую. Не любят саблю в Сибири, и ладно, а мне она очень даже по руке.

Добро всё сгрузили на две телеги, сами одвуконь поехали. Путь был неблизкий, но и не слишком дальний. Еще и недели не прошло, как стали попадаться зимовья, что близь Усть-Кута расположились. Чем ближе к Лене, тем людей попадалось больше. А там и острог показался.

Глава 4. План

Всю дорогу до Усть-Кута я думал про не такое уж отдаленное будущее. Пытался выстроить хоть какую-то программу действий. Просто отсидеться в сторонке было бы самым душевным: засунул голову в песочек, посидел так лет десять, а там, глядишь, всё и образовалось. Я жив и, может быть, даже здоров. Не погибну в 1658 году, как оно предписано по прежней истории.

В этом варианте целых три недостатка. Первый – не даст мне этот старик, коли он здесь хозяин, так спокойно отсидеться. Вытоптал, гадина, лыжню такую, что и не свернешь. Второй минус – в этом варианте даже на слабой надежде вернуться домой стоит поставить крест. Жить мне здесь, стараясь забыть про Хабаровск, мастерскую, клиентов, Люду. А не хочется. И последнее. Не высижу я. От одной мысли про поход расpirать начинает. Хочется идти и делать что-то.

Другой вариант – пойти в поход, но подготовиться получше, пользоваться тем, что я заранее знаю хотя бы в общих чертах. Не петлять по лыжне старика, а свою лыжню проложить, пусть и в том же направлении. Идея прикольная, но как ее реализовать, я еще не придумал. Поглядим, время пока есть. Вот на Хабарова и поглядим. Слышал я о нем изрядно, а теперь и вживую познакомлюсь. Насколько я помню, он в Усть-Куте сейчас и живет. Кстати, и острог уже виден.

Усть-Кутский острог был совсем небольшим, гораздо меньше Илимского. Тот по местным меркам был уже городом. Здесь же – пара-тройка жилых строений для служилых людей, десяток крестьянских изб и два склада, обнесенные палисадом с одной проезжей башней. Не было даже церкви.

Проживало в остроге и слободе полтора десятка крестьянских семей, меньше десятка домов занимали плотники-корабелы, строившие суда на плотбище у слияния рек Куты и Лены. Жил в остроге казачий дозор, что ездил по ясак, жили целовальники со своими людьми, приказчик над пашнями и солеварнями. Люди, что пахали и соль варили, поселились за околицей острога, в слободе или небольших поселениях вокруг. Всего в округе сотни две жильцов.

Только значил этот небольшой острожек совсем не мало. Во-первых, через него шел самый удобный путь с Ангары и Енисея на Лену. Во-вторых, стояло тут плотбище, где делали суда для перехода по рекам. Суда строили большие и малые, грузовые и военные, что, впрочем, не особенно отличалось. Главное же, хлеб в тех местах родился. С хлебом в Сибири было плохо: хлебные или житные отпуска везли издалека, часто с самой Руси. Здесь же хлебушек свой, и немало его. Конечно, больше рожь, чем пшеница, но всё же. То же и с солью. Здесь ее было в достатке.

Основал острог всё тот же Иван Галкин и другой знаменитый атаман, Петр Бекетов. Но если Галкин отличался какой-то невероятной удачливостью и лихостью, то Бекетов был, судя по рассказам, дядька мудрый, хоть и не такой удачливый. Впрочем, ни того, ни другого в Усть-Куте не было. Люди они были военные, не администраторы. Шли туда, где жили немирные народы, приводили их под высокую государеву руку. В острогах же и острожках (особенно, если там было что-то кроме «примиренных народов») начиналась мирная жизнь.

В месте, где стоял Усть-Кут, кроме «примиренных народов» было много чего. Лет за пять до того, как меня занесло в этот мир, распахали здесь первое поле покрученники промышленного человека Ерофея Хабарова. Ему же принадлежала первая солеварня, стоявшая близ острога, у соленого озера. Правда, потом солеварню у озера отжал у него воевода Головин, тот самый «злой воевода». Пришлось промышленнику новую солеварню ставить на соленом ручье. Но мужик, видно, был кремень: упал, поднялся, опять пошел в гору.

Соль добывали совсем диким способом: из озера черпали ведрами воду, выливали ее в деревянный ящик, оттуда вода стекала по желобу, когда поднимали заслонку. Той водой наполняли железный чан, выпаривали воду на огне. А соль потом ссыпали в мешки и отправляли в Якутск по реке Лене. Из воеводских кладовых соль шла по всем острогам. Часть уходила даже в Енисейск. Что-то оставалось в Илеме.

Смотрящим над этими солеварнями меня и назначили. На мое счастье, предшественник со своими людьми спокойно передал мне дела и отбыл в Илим, даже саблей трясти не пришлось. При солеварнях остались работные мужики и один грамотей, который вел учет полученной соли.

Соль была здесь штукой дорогой, редкой. Потому на солеварни могли налететь лихие люди, а таких здесь было – как бы сказать – почти все, у кого оказывалось хоть какое-то оружие. А не лихие сидели за Большим камнем, как в те годы называли Урал, или гибли по дороге. Добирался сюда народ, умелый в работе и в ратном деле, в нужной мере безбашенный. Казаки и должны были защищать солеварни, сопровождать грузы по реке и по волоку до Илима.

Вообще, насколько я знал по прошлым – через Усть-Кутский острог – поездкам в Якутск, власть здесь была интересная. Был приказчик над острогом. Но его власть была только в остроге, да и то скорее над его десятком, который, если что, должен был острог защищать и собирать ясак с ближних стойбищ инородцев. В книгах так и писали, что в остроге стоит десяток казаков (по учету больше и не было, а мы проходили по другим книгам). Он же следил за плотбищем.

Отдельная власть была у смотрящего (приказчика) над пашнями, отвечающего за поставку зерна в Якутск и Илим. У него тоже были свои люди, охраняющие хлебопашцев и караваны. Были здесь и целовальники, которые ведали сбором подати с проезжающих по волоку торговых и промышленных людей. У тех тоже была своя сила. При всем том жили вполне мирно и дружно. Друг друга не задирали, в чужие дела не лезли.

В первый же вечер по прибытии, едва успели мы разместиться в остроге, как прибежал молодой казак с сообщением, что десятника (меня) приказчик зовет. Ну, зовет, так пойдем. Надел я кафтан понаряднее, нацепил саблю: хорошо помню, что встречают по одежке. Покажем, что и мы не кухаркины дети. Собрался и пошел, благо идти было до соседнего дома.

Там уже собрались местные большие люди: сам приказчик, смотрящий над пашнями, старший над целовальниками, два казачьих десятника, еще какие-то люди. Словом, местный бомонд. Стол – как положено и на Руси, и в Сибири – был изобильный до неприличия. Правда, в отличие от обычной русской кухни преобладали рыбные и мясные блюда. Собственно, не жрать я пришел.

– Вечер добрый! – со всем вежеством поклонился я.

– И тебе добрый вечер, десятник. Пожалуй к столу, – кивнул хозяин. Тоже всё в пределах вежливости.

Сотрапезники с одобрением разглядывали совсем не маленького меня. Всё же хорошо иногда быть высоким.

В местных традициях я уже был почти дока. Потому, не теряя времени, расположился на лавке. Сел на место возле хозяина. Типа себя я тоже уважаю. Принял наполненную местным самогоном чарку. Выпил. Кстати, хорошо пошла. Взял щепоть кислой капусты, закусил. Крякнул. Народ загалдел. Вроде бы приобщился.

– А что, Онуфрий Степанович, – проговорил хозяин, – Кузнецом тебя кличут? Ремесло знаешь?

– Ну, не так чтобы в Тобольске кузню открывать, но немного разумею.

– Это хорошо, – проговорил он. – У нас с кузнецом плохо совсем. Нету кузнеца. Оружье поизносилось, поломалось. А чинить некому.

– Так я не по кузнечной части. Да и кузню еще ставить надо.

– Вестимо, что не по кузнечной. Но мы тут так живем, что каждый другому помощник. Али у вас иначе?

– Как иначе? Другу помочь – дело святое.

– Вот и я говорю про то.

– Ты не бойся, Онуфрий, – промолвил дядька лет сорока от роду с копной светлых волос, выдававших выходца из поморов. – Внакладе не будешь.

– Ты, Ярко, всё о прибылях печешься, – засмеялся другой сосед.

Ага. «Вот и Хабаров объявился, что ли?» – подумал я. И внимательнее глянул на светло-волосого. Одет тот был побогаче остальных: кушак шелковый. Ростом не выделялся. Смотрел с хитринкой.

– Так без выгоды, Петро, только медведь живет. Да и тот ищет малинник погуще.

– Да я своим всегда помогу. Дайте только время мне с соляными делами разобраться и кузню наладить.

– Так никто и не торопит, – засмеялся приказчик. – Торопливые здесь не водятся. О делах потом поговорим. Пока пейте, ешьте, гости дорогие.

Сидели долго. После третьей-четвертой чарки началось братание. Беловолосый действительно оказался Хабаровым. Был он не только владельцем здешних пашен и солеварен, своеуженником (хозяином) промышленников, но и старшим целовальником. Самое время мне сойтись с ним поближе.

Но особого разговора у нас не вышло. Говорили все и каждый о своем. Как и принято, все жаловались. Хозяин дома жаловался на ненадежность тунгусов, которые в любой момент могут напасть на казаков, приехавших за ясаком. Жаловались люди, что баб не хватает: не едут бабы в такую глухомань. А казаки потом тунгусок насильничают, почему и тунгусы мстить начинают. Печалились, что кремнёвое ружье, конечно, лучше фитильного, да замки оружия ломаются. А чинить некому. Особо злил всех прежний якутский воевода из важных московских бояр. И три шкуры с голого драл, и с людьми себя вел не по-людски. Да и новый воевода тоже суров. Такие вот нормальные пьяные разговоры.

Народ был, видимо, настроен на долгое сидение, но мне не терпелось начать устраиваться на новом месте. Отговорившись усталостью, пошел к своим. Переночевали в остроге. А утром я с казаками поспешил к солеварням. Располагались они недалеко от стен. В моем подчинении были водосточный желоб, идущий от соленого озера, два железных чана – поддона для выпаривания соли, несколько худых изб, где жили работники, одна изба побольше и поновее. Там, видимо, жил мой предшественник со своими бойцами.

Всё какое-то неказистое. Самым большим строением был склад, где перед отправкой хранились мешки с солью. Соль варили круглые сутки (ночью – при свете костров). Половина работников занималась производством, а другая отсыпалась или хозяйничала. Всё это подгнившее благолепие было обнесено частоколом из не особенно крупных стволов. Была и дозорная вышка. Честно говоря, с точки зрения обороны было не ахти. Ну, что есть то и есть. Частные солеварни располагались рядом на соленом ручье. Между ними было меньше километра или, как здесь говорили, полверсты.

Расположились мы в жилище прежнего хозяина. Дом состоял из сеней, огромного зала (видимо, для общих посиделок и сна бойцов), отдельной комнаты для приказчика, небольшой клетушки, где жила баба-стряпуха (она же портомоя; кабальная или чья-то женка – я не понял). Разложили свое барахло. Расселись за столом, снедь вытащили. Стали думать о дальнейшем бытии.

С одной стороны, конечно, глушь голимая. С другой – сам себе господин: до Илима дня три идти, до Якутска – больше десяти дней. Только всё тут переделать надо по-своему.

– А что, братцы, коли нам дом другой построить, получше? – проговорил я, поглядывая на своих.

– Да нужно ли, Онуша? И так можно жить.
– Можно и в берлоге. Да в каменных палатах лучше.
– Ты что, каменные палаты строить задумал? – ужаснулся Макар.
– Зачем каменные? Просто чтоб всем удобно было, не тесно.
– А кто строить-то будет?
– Мы и будем, да мужиков на это дело нарядим, других найдем. Мне ж кузню всё равно строить придется.

Про кузню я рассказал сразу, как пришел со званого вечера.

– А деньга откуда?

– Так десятник я или где? Я дам двадцать рублей. Вы – сколько сможете. Так и построимся, чтобы жить себе, как хочется.

– А что? – проговорил Тимоха. – Если всё сладим, так можно и невесту из Якутска или Енисейска какую привезти. С жинкой-то всяко лучше.

Похоже, что идея привоза будущих жен и стала определяющей. Народ согласился.

На следующий день собрал я тех, кто не был занят на солеварне.

– Здравствуйте, люди добрые! – начал я, как мне казалось, правильным образом. Хотя, шут его знает, как там у них принято. – Зовут меня Онуфрий сын Степанов, назначен сюда приказчиком.

– Здравствуй, батюшка! – за всех ответил немолодой мужик с темными кудрями и хищным взглядом. Он был похож одновременно на Будулая из фильма и на классическое изображение каторжника.

– Знаю, – продолжил я, – что люди вы здесь подневольные. Кто за долги, кто за лихие дела. Но и подневольным людям лишняя копейка не помешает. Так?

– Кто ж нам эту копейку даст? Не ты ли, батюшка? – опять за всех ответил цыган.

– Я и дам. Только не за красивые глаза, а за помощь.

– Чем же помочь тебе? – опять съехидничал цыган.

– Хочу я, чтобы и мои казаки, и работники жили в добрых домах, чтобы банька была, чтоб была изба, где народу харчеваться.

– А мы-то чем поможем?

– Вот что я задумал. Сначала сделаем колесо, чтобы само воду из озера черпало. Людей станет меньше нужно. Эти людишки и будут мне помогать строить. А за стройку я платить буду. По медной копейке.

– Что же выйдет? – проговорил седой мужик в худом, заплате на заплате, зипуне. – Одни копейку заработают, а другие пуп на соли будут надрывать. Негоже это, хозяин.

Вот, блин, моралист на мою голову. Ничего, переломаем.

– Вы сами и установите очередь, кто у чанов, а кто на стройке. Так всем по правде будет.

– А как кто исхитрится да проскочит без очереди?

– А для особо хитрых у меня полено имеется. И тем поленом я особо хитрых и особо мудрых буду от души потчевать. Это понятно?

Для убедительности я поднял бревно, что валялось рядом, да об коленку его переломил: слава богу, рост позволил и сила не подвела. Тело мне досталось замечательное.

Народ испуганно посмотрел на поломанное бревно, зашумел – в том плане, что согласен со всем. А я задумался: зачем я болтовню-то разводил? Вот же пережитки двадцать первого столетия... Ладно, опыт – сын ошибок трудных. Здесь производственные летучки проводят иначе. Учту.

Народ разошелся. Мы тоже потянулись в избу.

– А что за колесо ты решил соорудить? – спросил Макар.

– Да есть одна задумка. Только сначала всё осмотреть нужно. И кузню нужно побыстрее развернуть, чтобы в ней можно было ось отковать как для большой телеги.

– А для чего это?

– Ну, смотри: колесо большое, лошадка ходит по кругу, колесо вертит. Представляешь?

– Хитро.

– Да ничего тут хитрого, на мельницах так делают. А на колесе ведра закрепить. Ведро в озеро нырнуло, воду зачерпнуло, поднялось до короба, опрокинулось и вылило. И никому черпать не надо. Считай, человека три освободилось.

– Что-то мудрено. Вон даже Ерофей так не делает.

– Мало ли кто и что не делает. А мы сделаем.

– Ну, ты старшой, ты и решай.

– Лады.

– Чего?

– Решу, говорю. А пока пошли завод смотреть.

– Чего?

– Вот, блин, малина. На солеварню пошли!

Производство было то еще. Чаны дырявые. Правда, дыры были забиты солью, но вода просачивалась. Три мужика черпали ведрами воду из соляного озера в большой деревянный короб. Один следил, чтобы вода шла по желобу в чаны. После того, как чан заполнялся, следящий перекрывал одну заслонку и открывал вторую, к другому чану. Потом на какое-то время народ передыхал. Тем временем двое других работников разводили костры и выпаривали воду. В котлах оставалась соль. Ее ссыпали в мешки и относили на склад, где местный грамотей записывал, сколько соли поступило, сколько кому отгружено.

До обеда было еще время. Решил провести его с грамотеем. Выходило, что соли в день поступает полтора-два пуда. В месяц около пятидесяти пудов. Из них тридцать пудов уходило в Якутск, пять пудов забирал Илим. Остальное можно было продавать или использовать на местах.

У Хабарова производилось больше. Собственно, солеварня, которой я командовал, тоже некогда была поставлена Хабаровым. Но воевода ее просто отобрал, а самого промышленника почти год продержал в тюрьме. И не его одного: в тюрьму попали русские и якуты, поднявшие несколько лет назад бучу против воеводы. Попал туда даже его сопровитель с его же письменной головой, чиновником для особых поручений. Чем эти провинились, я уже и не помню. Но, в конце концов, вести о воеводских делах дошли и до Москвы.

По государеву повелению в Якутск явился новый воевода, Василий Пушкин, со своим сопровителем Кириллом Супоневым, а прежнего воеводу, Петра Головина, вызвали в столицу на разборки. Новый воевода, хоть и тоже был грозен, но страдальцев выпустил. Обещал за отобранные солеварню и пашни Хабарову пятьсот рублей выплатить. Но денег не нашлось.

Теперь Хабарову приходилось вытаскивать из руин свое хозяйство. Да уж, повезло мужику. Ничего. Мне с ним, если по истории судить, сдружиться стоит. Поживем и поглядим. Пока свое хозяйство надо подновить. А то, как я понимаю, с тех пор, как солеварню отняли у Хабарова, ее и не чинили, только работников на кабальных заменили.

Решил я после обеда начать мастерить колесо. Работа предстояла изрядная. Для начала нужны были прочные, более или менее одинаковые бревна и прочная плашка, чтобы из нее выточить шестерню. Нашел двух мужиков, о чём-то шептавшихся на завалившемся крыльце, отправил за бревнами. Принесли быстро, благо леса рядом хоть завались. Отобрал те, что получше будут. Обтесал топором, обрубил ровно.

Потом пришлось прерваться. Сгонял в избу за инструментами (хорошо, что прикупил всё, что нашел на торге). Теперь и шестерни деревянные можно сделать. Конечно, это совсем ненадолго, но потом заменю железными. Возился почти до вечера. С горем пополам какое-то подобие колеса сбил. Решил, что подгонять буду завтра.

Мои казаки еще долго сидели за столом. Я же едва успел пробраться в свою комнату и упасть на лавку, как сразу заснул. Зато когда встал утром, остальные уже позавтракали и разошлись кто куда. Честно говоря, после вчерашнего стахановского труда работать не хотелось. Но выбить из головы блажь об идеальном и уютном поселении не выходило. А для этого нужны рабочие руки. Собственно, для того и нужна механизация. Охота же, как известно, пуще неволи.

Взял я пару помощников и пошел возиться с колесом дальше. За день успели сладить большое колесо и малое, которое будет вращаться лошадьё. Сделали шестеренки, чтобы передавать движение. Двух баб усадил шить ремень. Осталось сделать металлический стержень, чтобы крепить всю эту конструкцию. И чем я не прогрессор? Взял и продвинул идею из Древнего Египта. Но как говорится, всё новое – хорошо забытое старое.

Пока возились с деревом, мои ребята развернули кузню. Вместе сделали навес на случай дождя. Не без труда нашли железный хлам. А там и дело пошло. Не сразу: всё же если в механике опыт у меня был изрядный, то в кузнечном деле я едва бы до подмастерья дотянул. Но терпение и труд всё перетрут. Сделали, установили. Немного доработал короб, чтобы и колесо крутилось, и соляной раствор не разливался особо. И заработало. Поставили старую кобылу, благо труд был невеликий. Позже попробую на реке колесо поставить, чтобы совсем это дело от физической тяги избавить. Пока пошло.

По ходу пьесы поправил чаны, заварил дырки. В первый же день после усовершенствования получили пять пудов соли, то есть выполнили две дневных нормы. Поскольку в стахановцы я не рвался, то на следующий день снял всю смену и отправил рубить деревья для будущего строительства. С работниками на всякий пожарный отправил двух своих парней. Вроде бы не слышал, чтоб близ Усть-Кута озоровали, но береженого сами знаете кто бережет.

Сам же пока размечал будущую стройку. Бревнышки приволокли – любо-дорого смотреть. За остаток дня сложили сруб для бани. На следующий день пришлось прерваться: всё же меня поставили за солеварнями смотреть, а не прогрессорствовать. Днем же я решил просто отдохнуть и подумать, свести воедино всё, что выпало мне за этот год.

Итак, каким-то образом я, Андрей Степанов, оказался в XVII веке. И не просто так, а в теле тоже Степанова, только Онуфрия – первопроходца и будущего атамана, приказчика даурской земли. Только вот незадача вышла: после многих лет сражений и удачного заселения Приамурья Онуфрий Степанов (то есть я) попадает в засаду и гибнет. Да и не столь уж многих: всей жизни мне осталось десять лет. По мне маловато будет.

Правда, выяснилось, что попал я не просто так, а был выдернут местным авторитетным духом по имени Хозяин. Что ему от меня надо, я понял не совсем. Но мне нужно вполне конкретное – выжить, победить в той схватке. Потому и принялся я прогрессорствовать. Мысль была сойтись поближе с Хабаровым: глядишь, что-то и получится у нас вместе сладить. Мужик-то он действительно уникальный. Настоящий лидер. Мне до него еще ползти и ползти со всеми моими знаниями.

Я вспомнил свою первую производственную летучку. Стыдно. В железках понимаю, в механике понимаю, а людей не понимаю. Идеально было бы идти вторым номером, просто быть рядом в тот момент, когда это может оказаться важным. Ну не первый я, что тут сделаешь? Ладно. Нужно дело делать.

План пока не выстраивался. Так, в общих чертах. Зато стройка продолжалась. Уже заканчивали избы для десятника и казаков. Свою избу я решил строить с размахом. Составили целых три клетки. Был и зал, чтобы вечером собираться всем десятком. Была и спальня, самая настоящая, и не лавка у меня там стояла. Печь большая в комнате. Есть и малая печь в спальне... Живи и радуйся. По вечерам у меня и собирались. Рассказывали байки, дела обсуждали.

Недели за две сложили избы и для работников. Потом взялись за изгородь. Я решил, что настоящих стен мне не нужно. Кто с пушками будет нас воевать? Нет таких. Даже если

буряты или конные тунгусы нападут, это будут стрелы, от них и нужен тын. Тын и поставили. Из хороших – сантиметров сорок в диаметре – бревен. В них оборудовали бойницы и пристроили площадку для стрелков.

Как и обещал, раздал я строителям заработанное, хотя казаки на меня смотрели с удивлением. Особенно негодовал Трофим. Где-то в глубине у него сидело, что все крестьяне, мастера и прочий люд нужны, только чтобы казаков обеспечивать. Неявно, но было.

Когда вечером собрались в большой избе на ужин, Трофим не выдержал:

– Что ж ты, Кузнец, кабальным деньгу раздаешь? Коли лишняя, братьям раздай. Негоже это.

– Не серчай, Трофим, – спокойно отвечал я. – Деньга не лишняя. Только за деньгу кабальные из себя лезли, а так за ними бы смотреть пришлось. А у нас и своих дел много. Мы в Усть-Куте месяц всего, а уже караван в Илим да караван в Якутск свозили. Завтра грамотей посчитает, какая доля на каждого выйдет.

– Какая? – не удержался Тимоха.

– Точно не скажу, но думаю, что не меньше чем по пятнадцать алтын на брата выйти должно.

– То воевода жаловал?

– Ага. Новый воевода сам без денег сидит. Денежного жалованья уже, говорят, здесь с зимы не видали. Это мы соли больше выпарили, ее и продали. Это не государевы деньги, а наши. Своя казна, сами и дуваним.

– Себе-то сколько взял? – усмехнулся Макар.

– Себя не обидел. По обычаю десятнику двойная доля. Завтра и раздам.

– Это дело.

На том в тот вечер разговор не закончился. Казаки, поверив, что завтра получают серебро, стали проситься в Якутск или хотя бы на Илимский торг съездить. Я решил не отказывать, но отпустил не всех. Договорились, что поедет половина; остальные им закажут, что надо. А в следующем месяце поедут другие. На том и порешили.

На солеварне учет вел дядька в чине писца. Его я и прозвал грамотеем, хотя звали его Егором. Был он немолод, хил, но дело свое знал. Он ведал доходами и расходами. Всё заносилось в особую книгу (точнее, на листы, которые затем подшивали в книгу). Понятно, что подворовывал. Но я следил и закрывал на это глаза, если за рамки приличия он не выходил: всем жить надо.

Вот он и принес мне довольно увесистый мешок с серебром. Я пересчитал. Отложил свою долю. Вышло больше чем на рубль. Считаю, за месяц треть годового денежного жалованья получил. Остальное раздал казакам.

На следующий день половина казаков с Макаром за старшего уезжала в Илим. Собирались с шутками и прибаутками, кучей пожеланий от остающихся. Кроме всего прочего, я тоже надавал им поручений для своей задумки.

Возникла у меня мысль переделать колесцовый замок в ударный – такой, который использовался в армиях следующего столетия. Для этого нужны были хороший металл на пружину и кремень определенной твердости. В прошлой жизни такие ружья я уже делал. Правда, там в моем распоряжении была сталь с нужными свойствами, станки. Но попробовать стоило: всё же у колесцового замка с его заводкой ключом и частыми поломками недостатков масса.

Сразу после возвращения «командированных», которые привезли сырье и инструменты, начал переделку. Совсем не сразу, но у меня вышел вполне приличный вариант ударного механизма. Долше всего пришлось делать пружины, которые должны быть упругими и крепкими. Да и огниво получилось не вдруг. Но то, что вышло, было совсем недурно. Переделал замки не только у себя, но и у всех казаков из моего десятка. Теперь следи, чтобы порох на полке не намок и не слежался да меняй его. Остальное не хуже, чем современные образцы.

Работа на солеварнях шла полным ходом. Освободившийся народ я стал отправлять в лес на охоту, потому и питаться мои люди стали получше. Я же продолжал переделывать все мушкеты, до которых мог дотянуться. Теперь в моем маленьком форте с каждой стороны стояло по три ружья в стиле крепости Робинзона Крузо.

Впрочем, понадобились они мне лишь однажды. Какие-то аборигены, где-то под две сотни рыл, то ли набрели на Усть-Кут, то ли сознательно шли сюда, но на большой острог идти побоялись. Попытались вломиться ко мне. Тут в них все ружья и разрядили. Еще и сверху добавили. Число любителей пограбить сразу сократилось десятка на полтора. Тем временем из острога вышли десяток казаков и крестьяне с топорами (а кто-то и с ружьями), выдвинулись и мы. Аборигены сбежали. Даже ограбить избы слободы не успели.

Кто такие были наши гости, мы так и не узнали. Тунгусский мир был огромным и разнообразным, не только со своими духами и шаманами, но со своей политикой и историей. И ее нам не преподавали. Местные сибирские народы проходили у нас на факультете под рубрикой «этнография».

В основном тунгусы жили в северных районах, пасли олешков. С тех олешков и жили. Народов там было много, но все малые. В тайге жили охотники, этих было побольше, и для нас они были самыми ценными. Они больше других добывали собольи шкурки – основной объект вожделения далекой столицы. Были и рыбаки, что жили вдоль рек. А в степях жили конные тунгусы. Вот эти были воинственны не менее монголов, в схватке с ними они некогда свои степи и отстояли. Кто именно на нас напал? Гадай – не угадаешь.

Пока люди в десятый раз пересказывали друг другу события того дня, я всё думал про свой план, про будущий поход в Приамурье. Мысль была простая, как мычание: чтобы остаться живым, нужно быть сильным. Причем не только самому: один в поле не воин. Нужно иметь пусть небольшое, но слаженное и преданное войско. Ну не войско, так хоть отряд. Десяток казаков – это хорошо, только мало. То есть для здешних мест хватит, а вот для Приамурья – не факт. Точнее, факт, что не хватит.

Все просто: природа здесь небогатая, много людей прокормить трудно, вот и кочуют местные инородцы семьями человек по десять-пятнадцать. Большими группами собираются редко, потому и десяток – немалая сила. В Приамурье всё не так. Тамошние люди и многочисленны, и воинственны. Там для победы нужны сотни, да еще и с пушками. Причем не просто сотни, а верные сотни. Постепенно идея вырисовывалась.

Глава 5. Ярко

Идея была простейшая – потихоньку выкупать кабальных, привлекать гулящих, делая из них бойцов. Понятно, что не спецназ. Я и сам-то хитрым кунг-фу не обучен. Но люди здесь все резкие, к воинским занятиям (или, скорее, к разбойничьим) склонные. Вот и будут они совсем мои. Свой десяток, с которым прибыл в Илим (кроме тех казаков, кто семейные были), удалось приручить. Авось и дальше так пойдет.

Пока я размышлял, в воротах показался конный. Ага. Тот, белобрысый. В смысле Хабаров. Я поднялся с крыльца, на котором предавался планированию, и пошел навстречу.

– По добру ли, Ерофей Павлович? Дело какое?

– Добро, Онуфрий Степанович! И дело есть, и провести хотел.

Я кивнул парню у ворот, чтобы принял коня, а сам повел гостя на солеварню. Показал колесо, чаны для варки соли, новый желоб. Ерофей важно кивал. А на колесо смотрел с живым интересом. Впрочем, ни о чём не спрашивал. То ли это была знаменитая сибирская привычка не лезть в чужие дела, то ли какая-то мысль билась у промышленника.

Пока я демонстрировал выставку народного хозяйства, вышла стряпуха и пригласила «отведать, что господь послал». Прошли в избу.

– Что сказать, – промолвил гость, когда первый голод утолили. – Дело у тебя, Кузнец, хорошо поставлено. Я потому и заглянул. Думаю, у себя тоже колесо поставить. Мне и лучше – ручей его сам крутить будет.

Я пожал плечами. Колхоз – дело добровольное. Хочешь – ставь.

– Только я еще одно дело к тебе имею.

– Что за дело? – спросил я, хотя примерно уже представлял, о чём пойдет речь.

Едва мы обжились, как здешний люд стал мне на кузню свое железное барахло привозить на починку. Платили, чем могли. Кто-то серебром, кто-то медом или свежениной, а кто-то и соболями мехами. В хозяйстве всё годилось. Порой кузня больше, чем солеварня приносила. Этим я тоже делился с казаками. Во-первых, так было правильно. Во-вторых, помогали они мне, чем могли: кто горн раздувал, кто с молотом, кто инструменты подавал. За несколько месяцев усть-кутского жития мы стали реально, не по имени, ощущать друг друга братьями, родней.

Хабаров начал разговор неторопливо:

– Тут вот как. Есть у меня пищали, старые совсем. Замки поломаны. Мне бы их подмастерить. Не подобишь?

– А много пищалей-то?

– Изрядно. Три десятка штук. Может, чуть менее. Есть совсем старые, фитильные. Есть поновее. Но все кузнеца ждут.

– Ну, – стал прикидывать я, – работа немалая. Думаю, седмицы три делать буду. Да считай что и месяц. Это если в цене сойдемся. Сам же говорил: без выгоды только медведь живет.

– А сколько ты хочешь, Кузнец? – прищурился Хабаров.

– По полтине за штуку.

– Эх... – крикнул он. – Круто забираешь, Кузнец. Давай-ка сбавим маленько.

– А ты какую цену дашь?

– По алтыну.

– Нет, по алтыну мало. Давай два пятиалтынных.

Спорили долго. Сошлись на пятиалтынном и трех деньгах. Договорились, что Хабаровы людишки подвезут пищали.

– А ты, Ерофей, нешто воевать кого решил? – спросил я после того, как сделку закрепили чаркой.

– Есть одна мысль. Помнишь, воеводский пес Василий Данилыч по Амур-реку ходил?

– То до меня было. Но люди баяли, что местные туземцы его не приветили.

– Не приветили. Кто б пса такого цепного приветил? Только я не о том. Место там уж больно хорошо. Я народ порасспрашивал. Богато туземцы живут, и земля богатая. Хлеб родится, как на Руси, торговля знатная. Вот и думаю сходить туда, поглядеть. Может, какую выгоду поймать получится.

– Так с Поярковым полторы сотни шли, и то его побили тамошние людишки. Тебя же как, хлебом и солью встретят?

– Нет. Потому и прошу пищали починить. Не встретят меня там ни хлебом, ни солью. Поярков сам виноват. Не сибирский человек, не видит ничего. Ну да господь ему судья. Мне про те места другие люди говорили. Вои там сильные. А если с умом подойти, можно и прибыток поискать.

– Что ж за люди?

– Да хоть дружок мой давний, Иван Алексеевич Галкин. Он туда ходил. И не он один, много народа за пояс ходили. Вот и я хочу в Якутск поехать, к новому воеводе Пушкину. Хочу отпроситься в поход.

– Так на что тебе воевода? Охочие людишки всегда найдутся.

– Не хочу я так. Я ж теперь всем домом в Сибири. Хочу там себе дом строить на своей земле.

Действительно, совсем недавно в Усть-Кут после долгого путешествия прибыла из Поморья жена Хабарова с сыном и дочкой. Дочка уже успела стать вдовой с малым ребенком. Приехал и сын Никифора, брата Хабарова, – Артемий. Теперь Ярko был не одиноким волком, а патриархом целой семьи в три поколения. Тут уже без воеводской воли двигаться трудно. Тем более осесть.

Ведь и сам Хабаров – человек совсем не простой. Ходили слухи, что именно его челобитная вместе с подношением от его брата Никифора стоила воеводе Головину места. Поговаривали о его крепкой дружбе с дьяком Сибирского приказа.

– Ну что ж, дело благое.

– А ты со мной не хотел бы пойти?

– Давай пока я тебе оружие посмотрю. Ты к воеводе съездишь, а там и опять поговорим. На том и порешили. Гость поблагодарил за угощение и отбыл.

Я проводил его до ворот и задумался. Пока все идет по истории. Хорошо ли это? Ведь там в итоге меня ждут разгром на Корчеевской луке и смерть. Не нравится мне такая перспектива. Какая-то слишком глубокая лыжня у моего старика: никак не выходит с нее соскочить. А соскочить очень надо. Как-то нужно пройти этот квест. Я жить хочу.

Ладно, подумаю. Пока ясно, что контакт установлен, это уже хорошо. Хотя три десятка пищалей отремонтировать – дело трудное. Ничего, справимся.

Через пару дней к воротам солеварни подошли два воза. В поводу# лошадь вел коренастый, невысокий и совсем молодой парень с такими же, как у Хабарова, светлыми волосами.

– Хозяева! – заорал он.

– Чего тебе? – ответил казак у ворот.

– Мне бы Онуфрия Кузнеца!

Я велел впустить юнца.

– Так где Кузнец? – опять спросил он.

– Я Кузнец, – отозвался я. – Что хотел?

– Я племянник Ерофея Павловича, – со значением произнес юнец. – Пищали привез.

– Ну, хорошо, коли так. Трофим, покажи племяннику, где у нас кузня.

Парень угрюмо зыркнул на казака и подвел своего Росинанта к небольшому строению с навесом, где я пока оборудовал кузню. Распряг коня и собрался уже уходить.

- Погодь, паря, – окликнул я его. – Как зовут-то?
- Артемием мамка назвала.
- Что такой сердитый? Дядька где?
- Я не сердитый, а серьезный. А дядька уехал в Якутск.
- Скажи, что, мол, как приедет, Кузнец его в гости звал.
- Скажу.
- Ну, тогда бывай.

Паренек неторопливо вышел и даже не пошел, а прошествовал в сторону острога. Я направился к возам с оружием.

Сначала отложил те, что требовали серьезной работы. Таких нашлось штук шесть. Потом те, что требовали всё же починки. Еще десяток. Остальные были просто жертвами неаккуратного обращения. При этом пять штук были с ударным замком, лишь немногим уступающим моей конструкции. Провозился со всем этим едва ли не до вечера. Заняться ремонтом решил завтра после обеда. До обеда нужно было заниматься делами солеварни, проверять записи на складе и казну. Такая бизнес-текучка XVII века.

Спалось хорошо. Во-первых, устал я, пока пищали тягал: всё-таки каждая такая дура весила пять-семь килограммов. Во-вторых, теперь на солеварне на самом деле было здорово. Крепкие избы, спокойная и ритмичная работа, хорошая еда. У меня в избе стояла – кроме печи, всяких полок и сундуков, стола и лавок – самая настоящая кровать. А настоящая перина и пуховая подушка, за которые я не пожадничал заплатить пятнадцать копеек, были после спанья на шкурах на печи настоящим чудом.

Эх, может, послать все эти джокеры, жить бы здесь да жить? Нет, не вариант. Скоро Илим станет центром самостоятельного воеводства, а власть здесь станет гораздо жестче. Не хочу. Хабарову лет уже сколько? Думаю, к пятому десятку подбирается. А рвется в бой. А мне еще и тридцати нет, хоть здесь, хоть в прошлой жизни. Не хочу мягкую перину. Нет, хочу, но не только. С тем и заснул.

Недели через две вернулся Хабаров. Вернулся с отказом: воевода и боярин Пушкин не позволили ему идти в Приамурье. К его возвращению мне удалось исправить все простые поломки хабаровских пищалей. Осталось шесть штук с серьезными проблемами.

Я послал гонца к Хабарову. Тот приехал за оружием, сели поговорить в мастерской.

- Ну как? Вышло, Кузнец? – спросил он, поздоровавшись.
- Почти. Есть еще несколько трудных. Покумекаю, может выйдет.
- А вот у меня пока не вышло, – грустно проговорил он.
- Так теперь не пойдешь на Амур?
- Пока не пойду. Самоходом не хочу, я уже говорил. А воевода даже слышать не хочет. После того как Васька Поярков обделался и почти сотню людей положил, сторожится воевода.
- Оно понятно.
- Так ведь Поярков-то сам виноват. Гостей захватывал, головой не думал. Вел себя как дикий волк, а не как письменный голова.

Ишь ты, подумалось мне, гуманист, блин. Небось сам, когда с Галкиным якутов воевал, не особенно о правах человека рассуждал.

А вслух сказал:

- А как надо было?
- Нечто сам не знаешь? Сначала надо было узнать, кто здесь кто: кто с кем дружит, кто с кем воюет, какая за кем сила стоит. Вот как узнал всё это, тогда можно и зубы показывать. И тоже с головой нужно делать всё. А он, видно, больше ягодицами думал.
- Это да. Так что теперь будешь делать?
- А подожду.
- Думаешь, воевода после иначе рассудит?

– Нет. Воевода-батюшка Василий Никитич иначе не рассудит. Только вот лихоманка его бьет. Похоже, недолго ему осталось. А там и поглядим. Может быть, с новым столкнусь.

На этом пока разговор закончился. Хабаров отсчитал мне серебро, забрал ружья. На том и расстались.

А я стал думать дальше. Со своим десятком я, похоже, уже поладил. Серебра казачки получают раза в три больше, чем государево жалованье. Да и с житом у них всё неплохо. Главное же, что мы стали друзьями: стройка, где все намахались топором, натаскались бревен, вечерние посиделки – всё это очень сблизило нас, объединило.

Только десяток – это немного, пришла пора новых искать. Но ехать самому негоже. Почему? Всё же я здесь человек новый. Вот реально, сколько я в этом мире? До полутора лет не дотягивает. Людей не всегда понимаю. Тут нужен свой. Совсем свой, причем такой, чтобы и для меня был свой. Кажется, тут всё понятно: казаки здесь свои. Так, да не так: в этом мире они, конечно, свои, только вот не в Якутском воеводстве. Здесь они тоже все пришлые.

Думал я не один день. Пока случайно, обходя свое хозяйство, не обратил внимание на работников. Большая их часть работала молча, без нареканий. Ко мне обращались редко, недовольства не высказывали. Тем более что еда у них стала лучше, чем прежде, денежек за лишнюю работу подкидывал, стал давать время на собственные занятия.

Но был один, кто сразу выделялся: к нему шли с проблемами, спорами; он, по сути, руководил работами. Речь идет о мужике, похожем на цыгана. Я расспросил о нём грамотея при складе, подумал и решил попробовать договориться с ним.

Утром, нарядив работных людей на работу, а казаков – на службу, велел позвать к себе того цыгана, что в первый день мне зубы показывал. Звали его Степаном. Прозвище было Смоляной. И если вспомнить, что цыгане на Руси объявились только при матушке Екатерине, а в Сибири и того позже, то это очень меткое прозвище. Волосы и глаза как смоль, кожа темная, дубленая. Некогда был он промысловым человеком не из последних. Людей знал, люди его знали. Но попал в кабалу, потому и оказался на солеварнях.

Цыган, войдя в светлицу, посмотрел на меня с вызовом: дескать, чего надо?

– Садись, Степан. Разговор есть.

– Об чём нам говорить, Кузнец? Ты десятник – я кабальный.

– Раз позвал – значит, есть разговор, – ответил я, приподнявшись над столом. Прием этот я уже давно выработал: как осознал, что ростом буду повыше, чем все остальные. Почти два метра – это даже в XXI веке совсем не маленький мальчик. Еще не встав полностью, я уже изрядно возвышался над собеседником.

Тот сел. Вызова в голосе поубавилось.

– Чего звал-то?

– Скажи мне, Степан, хотел бы ты из кабалы выбраться?

– Оно, конечно, кабала не жена, не сестра. Только куда ж я денусь? Ты ж меня не выкупишь.

– Может, и выкуплю. Если службу сослужишь.

– Украсть что нужно али порешить кого решил? – усмехнулся цыган.

– Красть я не приучен, а порешить и сам могу, коли надо будет. А будешь сильно рот разевать, можешь и зубов лишиться.

– Шуткую я. Не серчай. Что за служба, десятник?

– Другой разговор. Нужно мне, чтобы ты съездил с моим казаком в Илим и Якутск, поговорил с людьми.

– С кем говорить-то?

– С беднотой. С бобылями, с подказначниками, с теми, кто к богатым людям покрученниками идет. Только мой интерес к тем, кто не просто щи пустые хлебают, а к тем, кто хотел бы лучшую жизнь получить на вольной земле.

– Поход задумал, Кузнец? Атаманом решил стать?

– Пока про то говорить не будем. Только тех людишек, что сам отберешь, сюда привезти надо. И тихо всё нужно делать. Для всех идут они ко мне покрученниками. Понял?

– А много ли людей надо?

– Не очень. Десяток наберешь – молодец будешь. Два десятка – совсем хорошо. А больше пока и не надо.

– А мне что с того будет?

– Вольная будет. Дам я тебе денег, чтобы кабальную запись выкупить. Много должен?

– Три рубля серебром.

– Сделаешь – будут тебе три рубля.

– Так на что тебе людишки? На что их звать?

– А вот послушай. Есть за Становым хребтом да за Байкалом-морем река. Называется Амур. Земля там богатая. Хлеб родит два раза в год, яблоки цветут, овощ любой вырастает. Есть там и пушной зверь. Есть серебро, торгуют там тканями камчатыми, товарами разными.

– Это та земля, что письменный голова Василий ходил? Да всех людей стубил?

– Да, Степан. Только он без головы ходил, а мы сходим умно. Осторожно. И будем с прибытком. А может быть, там и останемся жить, если житье будет привольное.

Цыган задумался, ковыряя пальцем выщербину на столешнице, не прикрытой скатертью. Потом махнул рукой.

– А давай, Кузнец. Коли сгинем там, так хоть поживем напоследок. А может, и вправду хабар нам обломится. Ехать когда?

– Я с братьями-казаками переговорю, так и поедешь. Думаю, дня через два или три.

В своем десятке я много говорил про Приамурье, про богатство края, про то, как можно там вольную жизнь построить. Слушали хорошо, соглашались. Новые богатые земли, да еще такие богатые, были заветной мечтой каждого в Сибири. На новых землях можно и богатство найти, и высоко взлететь. Казаки помнили, что совсем не из богатых и знатных семей вышли Перфильев или Бекетов, ставшие детьми боярскими и известными богатеями. Постепенно я подводил их к мысли о походе. Точнее, что к такому походу хорошо бы подготовиться.

И подготовка шла. Без торопливости чинили мы оружие, потихоньку копили порох, свинец. Шили зимние одежды на холода из теплых пушных шкур. Упражнялись и в залповой стрельбе из модернизированных винтовок, быстрой перезарядке, стрельбе на точность.

Пару дней назад я озвучил и мысль о том, чтобы начать набирать в их войско новых казаков. Вроде бы особых возражений не было. Сегодня вечером решил озвучить план. Повечеряли, чем бог послал. За что ему, конечно, отдельное спасибо.

Кстати, посылал он нам всё больше и больше. В этот раз на столе были и привычные уже рыбные соленья, запеченное с местными душистыми травами мясо – такое, знаете, с корочкой, с ароматом, от которого даже у сытого голод пробивается. Конечно, не забыли мои хозяйюшки, что снедь готовили, и про пироги с кашами. Да и самогона (то есть хлебного вина) было залейся.

Поначалу мне здешняя кухня очень не глянулась. Чуть не три месяца жил на муке, брюкве и бобах. С голоду не умер, но есть такое будешь только по необходимости. Потом понял, что и из местных продуктов, если уметь, можно вполне приличный стол организовать. Правда, больше мясной.

Когда на столе остался только сбитень, я и заговорил. Опять пропел песню про прекрасное Приамурье, про новое богатство. Потом рассказал про поездку Хабарова, про то, что ждет он нового воеводу, который даст добро на поход. И пойдем мы не охотными людьми, а государевыми. Но чтобы всё было путем, хочу я нанять людишек, обучить и вооружить их. А там кого в казаки поверстаем, а кто и покрученником пойдет.

Друзья, хоть и были не в восторге от того, что на всяких разных голодранцев придется тратиться, но приняли. Тем более что я попытался донести простую мысль: чем ватага наша будет больше, тем большая доля добычи на нее придется: с сильными охотнее делятся.

А возьмем мы, надеюсь, немало. Про то, что взять я хочу не столько добычу, сколько вольную землю, говорил я нечасто: это не настолько грело казаков, как желанное слово «добыча».

Глава 6. Походу быть

Степан не подвел. Люди нашлись. Не быстро, но стало набираться и у меня войско. Поначалу прибыли люди из Якутска и Илима. Люди – страх один. Обнять и плакать. Сапоги разбитые, одежка латана-перелатана, сами худые... Но что имеем, с тем и работаем. Постепенно откормились, одел их. Не в шелка, но прилично.

Как на людей стали похожи, начал их с оружием натаскивать, заряжать-разряжать быстро. Бегали они у меня каждый день, тренировались. Не скажу, что далось это легко: в Сибири люди насилия не любят.

Идут сюда за волей, чтобы жить так, как самому правильно покажется. А тут я такой хороший насилие чиню невиданное.

Но я уже ученый был. Каждый свободный миг с ними разговоры разговаривал, рассказывал про сказочную страну Приамурье. Говорил, что страна та – заповедная, еще в старинных сказах о ней написано. И зовется она там страной Беловодье. Амур, скорее, черноводье: темная здесь водица, это я знал. Только нужно было что-то эдакое придумать. Вот и вспомнил я легенду про страну Беловодье и столицу ее, град Китеж.

Слушали неизбалованные средствами массовой дезинформации люди – аж заслушивались. А я с ними рядышком. Рассказываю, что живут там люди сильные и злые. Зовут их даурами. С ними и придется схватиться.

Появились и среди новиков помощники. Особо отличался молодой парнишка из Якутска. Звали его Клим Иванов. Про сказочную страну Беловодье он слушал не особо. Зато оружейное дело шло у него просто замечательно. Да и про дауров каждое слово ловил, другим растолковывал.

Из исторических штудий в своем прошлом-будущем помнил я, что те еще в 1644 году, то есть уже почти пять лет как, принесли присягу на верность маньчжурам. А маньчжуры аж Китай захватили. После попытки сбросить власть маньчжуров те поменяли у дауров всех вождей. Новые же за своих хозяев горой стояли. Власть их была нетяжелая, а прибытка давала изрядно.

Тут еще Поярков своим походом «помог». Мало того, что он, подумав мягким местом, гостей решил захватить в качестве заложников. А гости были от одного из даурских княжеств, которое влегкую могло триста-четыреста воинов выставить, а напрягшись – и до полутысячи. Он, когда его отряд взяли в осаду, опустил до людоедства. Теперь у русских (а по нему обо всех, естественно, судили) слава была та еще.

Потому я и настраивал своих на бой. Потому и объяснял им необходимость тренировок, старался бегать вместе с ними, показывал, как ружье быстро заряжать, как стрелять с ударным механизмом. Постепенно стало что-то выходить. Помогали мои казаки, Клим и тот же Степан, которого я выкупил из кабалы. Теперь цыган стал для меня важным помощником.

Но дел всё равно было невпроворот: мне же еще за солеварнями пригляд был нужен, да и кузня работала по полной. Причина не только в моей какой-то особой добросовестности и порядочности (не сволочь я, надеюсь, полная, но вот на ангела никак не тяну). Тут всё проще.

Содержание двух новых десятков (хотя и не платил я им, как казакам), покупка пороха (того, что нам выдавали, даже близко не хватало), покупка одежды, металла, ружей, топоров, луков – всё это деньги. Хотя я, по здешним понятиям, был человек далеко не бедный, доньшко у казны то и дело показывалось. Соль и кузня стали спасением. Деньги шли, но совсем не сами. В кузню я взял уже трех помощников, в том числе Клина Иванова из новиков, но все механические дела были на мне.

С моим десятком тоже было не всё хорошо. Точнее, хорошо, но не для моих планов. Два казака, наведываясь в Якутск, успели найти себе жен и привезли их сюда. Стали жить

отдельными домами. Еще один после очередной поездки в Якутск поделился, что присмотрел невесту. События, конечно, замечательные, да и казаки мои числились в людях состоятельных и серьезных, при хорошем месте. Только вот не факт, что женатый человек пойдет в очень рискованный поход.

Параллельно приходилось постоянно поддерживать контакты с моим будущим начальником – Хабаровым. Увидев моих новобранцев, он возжелал тоже подготовить себе войско. Набрал десятка три покрученников и стал их научать, как мог.

Со скрипом, с матом и мыслями «а не послать ли всё это», но дела шли. За несколько месяцев мы собрали на двоих почти сотню вполне боевитых бойцов. В последнее время я решился на чудовищный расход пороха – самого дефицитного товара из всех, что у меня были. Решил я наших бойцов поучить стрелять залпами или, как тогда говорили, плутонгами.

Смысл в том, чтобы разбить отряд на несколько групп, выстроить в линии. Как только первая линия выстрелила, она отходит назад, а палит вторая, за ней – третья. Тем временем первая успевает зарядить ружье. Получался такой живой пулемет.

Не то чтобы сибирские люди этого приема не знали, но не любили, это точно. Но в Сибири иностранцев было немало. Кого-то ссылали за проступки, кого-то за дерзость. А кого-то и направляли в Сибирь служить. Многие из них поднялись. Становились детьми боярскими, казачьими головами. Они и передавали европейские приемы залповой стрельбы сибирякам. Правда, больше стрельцам и солдатам.

Вот и я решил, что нам это не помешает. Вспомнил всё, что сам знал про залповую стрельбу. И свой отряд, и отряд Хабарова я потом какое-то время тренировал перестраиваться. Это было то еще развлечение. Мужики слушались без охоты, без понимания. Я бегал, орал, уговаривал, но в конце концов сдался. Казаки не солдаты. Шагистика – это не их стихия.

Но что-то делать было надо. Отказываться от мощи залпового огня, когда нам будут противостоят сильные противники, не хотелось. Тогда я сильно упростил задачу. Отобрал самых метких, не заморачиваясь, мои они или Хабарова, казаки или покрученники. Набралось их человек сорок. Добавил к ним еще немного тех, кто стрелял прилично. Вышла примерно половина.

Таким образом, я разделил их на первые и вторые номера. Первые стреляют, вторые заряжают и подают им ружья. Так получалось гораздо лучше. Скорость немного меньше, чем при стрельбе плутонгами, но намного выше, чем если бы они заряжали сами. А плотность огня выходила вполне приличная.

Когда я убедился, что заряжают они относительно быстро, а при зарядании и передаче оружия не насакивают друг на друга, решил устроить учения со стрельбой. Народу это понравилось гораздо больше. Всё-таки войнушка – наше всё. Чтобы не вся волость сбежалась смотреть на стрельбы, пришлось уединиться версты на три в лес. Но и дотуда человек пятнадцать зрителей добежали. В основном дети, конечно. Взрослые делами заняты.

Не с первого раза, но стало получаться. Тем более что с порохом Хабаров помогал. Как он его доставал мимо воеводы, я не спрашивал. Оно мне зачем? Есть – отлично. Тем более что порох этот он мне совсем не дарил, а вполне даже продавал. Конечно, не по рыночным ценам, но за деньги или за ремонт того же оружия. По бартеру.

Словом, войско у нас выходило вполне даже. Подучились в строю пиками работать. Думал про штыки, но штык не пошел. С копьями получалось у моих новиков получше. Только людей не хватало. Мне и так кормить эту прорву народу вылетало в копейчку; уж не знаю, как справлялся Хабаров. Но отряд становился всё сильнее. Топором орудовать любой сибиряк и без всякого учения умел, да и стреляли люди метко: как-никак, а охота здесь – едва ли не главный поставщик пищи.

Немного удивляло, что якутский воевода, запретивший Хабарову поход на новые земли, оказавшиеся совсем не гостеприимными (хотя где они в Сибири гостеприимные), никак на

нашу активность не реагировал. Всё же наличие своего войска даже в те годы совсем не поощрялось. Но вскоре выяснилось: Василий Пушкин преставился. Не ошибся Хабаров.

Как-то уже под вечер заглянул он ко мне на «важный разговор». Такие «важные разговоры» были у нас регулярно. Не знаю, то ли моя активность его подкупила, то ли слава кузнеца, без которого в походе грустно, но он усиленно делал меня соучастником всех своих планов. Вот и обсуждали мы будущий поход, считали, хватит ли денег, думали, где взять недостающие.

Но в этот раз разговор был иной.

– Тут вот какое дело. Письмо мне прислал добрый человек из столицы.

– Что за письмо?

– Важное. Едет к нам новый воевода. Зовут его Дмитрий Андреевич, по фамилии – Францбеков. Прежде он при молодом царевиче служил. А теперь к нам назначили. Он из немцев, но в нашу веру крещен. Проезжать через Илим будет. Письмо опередило его, дай бог, на седмицу. Думаю, нам его в Илеме и надобно перехватить.

– Нам?

– А ты как думал, Кузнец? Я один перед ним отдуваться буду? Нет уж, вместе кашу заварили – вместе и хлебать будем.

– Твоя же каша, Ярко.

– Нет, друг милый. Теперь уже наша. Иль не так?

– Так... – подумав, согласился я.

– А коли так, назначай вместо себя старшего, и давай завтра в Илим выдвигаться. Возьми с собой пару человек, завтра на тракте и встретимся. Говорить я сам буду. Вот если где заминка, там и ты поможешь.

– Договорились. Попробую.

На том и распрощались. А следующий рассвет встречал нас уже на Илимском тракте. Ехали быстро, благо заводные лошади были. Хорошо, что я еще в той жизни научился с этим транспортным средством управляться, иначе отбил бы себе на первых порах чувствительную часть тела. А так ничего. Добрались с божьей помощью.

Был у Хабарова дом в Илеме. Там и остановились. В принципе, мог бы по старой памяти завалиться в дом к моей шаманке, Ленке. Мог бы и к осевшему в Илимском остроге земляку Алешке, с которым шли с Тобольска. Но подумал, что лучше вместе. Да и мало ли что там у них. Воеводы пока не было. Он ожидался на следующий день.

Ночью никак не мог заснуть. Всё лежал и думал о завтрашнем разговоре. Фигура Дмитрия Францбекова меня никогда особенно не интересовала. В знаменитом «портфеле Миллера», сохранившемся остатке воеводского архива Восточной Сибири, было о нём не очень много. Были доносы, жалобы, приказы. Но это про всех было. Наверное, если бы искал, то нашел бы что-то интересное. Но не искал.

Из того, что я знал и слышал, мне представлялся сухой и чопорный немец, почему-то в темном костюме. Что-то типа лютеранского пастора. Тут надо железную логику выстраивать, бить на выгоду, на то, что все риски на себя возьмем. Эх, блин с медом! А если откажет, что делать? Хабаров не пойдет. Одному переться? Самому становиться Хабаровым? Даже если все его люди со мной пойдут, будет не больше пары сотен.

И как идти? Струги нужны, пушки нужны, запас пороха. Где всё это брать? Это вам не «быть или не быть», всё серьезно. Взрослый мальчик, и игры у него взрослые. Или послать это всё по известному адресу? Убить меня должны на Амуре. А я взял да и не пошел. Думаю, что мой старик за такую измену его «лыжне» меня точно домой не отпустит. Ну, можно и здесь устроиться. Или нет? Не найдя ответа на все эти проклятые вопросы, я плюнул и заснул.

Утром чуть свет собрались и отправились к проезжей башне, откуда ожидался приезд нового воеводы. Я ожидал чего угодно: пышного боярского выезда или невзрачной немецкой колымаги, но только не того, что увидел.

В ворота стремительно ворвался отряд всадников человек в пятнадцать, одетых в дорожные кафтаны, с непривычными саблями на поясе. Промелькнув мимо стражи и нашего небольшого отряда, всадники промчались в сторону детинца. Следом за ними, спустя минут двадцать, показались гораздо более неторопливые конные, пешцы, обоз. Их я уже решился спросить про воеводу.

– Так проехали уже Дмитрий Андреевич. В детинце их ищите.

Вот это номер! Воевода был одним из стремительных всадников. Мы с Хабаровым и своими людьми подались к детинцу, стараясь хотя бы опередить обозников. Удалось. В дом приказчика нас не без проблем, но пустили: всё же люди мы были уже не последние. Собственно, крутостью отличался Хабаров, а я так, погулять рядом вышел.

Пока мы ждали во дворе, примет ли нас воевода, на крыльце показался очень странный человек. На русского вельможу он был похож, как черт на ежа: ни шубы, ни высокой шапки, ни богатого кафтана с шелковым кушаком. Да и на его ближника тоже. Но, судя по почтению приказчика, вышедшего вместе с ним, по наличию свиты, это был воевода Францбеков.

Более всего он был похож на изрядно постаревшего Д'Артаньяна: почти европейское платье, седые, сплетенные в косу волосы, изрядное число морщин, едва заметный шрам на щеке и с вызовом глядящие пронзительные черные глаза.

– Кто из вас Хабаров? – бросил он. Да, немецким пастором здесь и не пахло.

– Я, воевода-батюшка, – вышел вперед и поклонился Ерофей.

– Ты хотел со мной говорить по государеву делу?

– Да, батюшка.

– Поднимайся. Я тебя выслушаю. Очень быстро. Остальные подождут здесь.

Хабаров молча поднялся и вошел вслед за воеводой в дом. Мы с казаками остались во дворе. Как пойдет разговор, понять было трудно. Бог даст, уговорит промышленный человек лихого воеводу. А вдруг иначе повернется? Тут как бы бегом бежать не пришлось.

По двору бегали люди, готовилось угощение, прибывали какие-то вестовые, сустились обозные. Полусонный Илим все менее походил на себя. Мне было сильно неудобно. И вот интересно: по идее, я круче Хабарова, десятник всё же. Но про него воевода явно знал. Это добрая весть или дурная? Не поймешь. Знать тоже по-разному можно. Кто их поймет, какие у них в Москве расклады?

Хабарова не было уже довольно долго. Мне казалось, что прошло уже не меньше часа, хотя, наверное, меньше. Всё-таки я сделал на этот поход серьезные ставки. Хорошо, когда читаешь известный текст. Здесь всё сложнее: мало ли как в жизни оно могло повернуться.

Я стал вышагивать по двору. Двор изрядный, но уж больно он сейчас людьми забит, особо не пошагаешь. Шагов десять в одну сторону, столько же обратно. Но немного успокаивало.

Наконец на крыльце показалась знакомая фигура. По тому, как Хабаров спустился, стало понятно, что получилось. Мне захотелось на манер американских тинейджерских фильмов закричать «Йес!», но здесь так не принято.

– Ну?!

– Пойдем к себе, – кивнул Хабаров, – там и поговорим.

Выехали из детинца, завернули к Хабарову. Бойцы распрягли лошадей и отправились на торг. Мы же засели обсуждать новости.

– Давай сначала о хорошем, – проговорил мой компаньон. – Походу быть! Воевода дал добро на сбор людишек. Выделит он из своих запасов нам порох, житное на полторы сотни человек. Дает он три струга и пушки.

– Так оно же... – я задохнулся от эмоций. Вышло!

– Не торопись радоваться. Всё оно не просто так. Ты сейчас поедешь назад, будешь людей готовить. А я с новым воеводой поеду в Якутск. Там он хочет составить кабальную запись, что всё это он мне дает в долг.

– А велик ли долг?

– Ох, велик. Тысячи рублей.

– Так, может, сами как-нибудь. Без воеводских денег.

– Не потянем мы, Кузнец. Я и так, и эдак считал. Я на войско уже почти всё потратил. Да и ты в доньшко казны смотришь, я знаю. Кроме того, за то назначает он меня приказным всей новой земли, что сможем добыть.

– Опасно это, – погрузстнел я, – потом не расплатимся.

– Так всё опасно. Оставаться здесь еще опаснее. Скоро в Илим приедет новый воевода, Усть-Кут отойдет к нему. Как с ним поладим, не знаю. Давай на Господа положимся да, помолясь, пойдем в поход. Еще успеть бы в поход уйти, пока в Илеме новый воевода силу не наберет или с этим не подерется.

Собственно, вариантов особых не было. Утром отправились. Я домой, а Хабаров с новым воеводой – в Якутск. До Усть-Кута шли вместе. Потом флотилия судов вместе с Хабаровым пошла в Якутск, а я остался.

Договор был, что часть людей через три недели должна прибыть к Хабарову. С этими людьми он и пойдет в поход. Разузнает, кто в тех местах чем дышит, кто с кем дружит и воюет. А я тем временем буду новых людей готовить, чтобы потом идти уже большим войском. Ну, по здешним масштабам большим – в несколько сотен человек.

С тем и расстались. Я отобрал пять десятков самых подготовленных бойцов (правда, своих казаков оставил: они за это время уже не бойцами, а инструкторами стали, да и я привык, что они рядом, всегда помогут). Отобранных отправил в Якутск, с ними пошел Макар. Только в поход ему идти не сейчас: он посмотрит, как уйдет Хабаров, потом мне расскажет, привезет от него весточку. Ну, у Хабарова свои дела, а у меня – свои.

Слава о Кузнце уже по всей Лене гуляла. Заказов было много. Я с пятью помощниками кое-как успевал. А отказаться не мог. Прав был Хабаров: казна моя сокращалась с каждым днем, а наполнять ее я не успевал. Как там у великих: для успешной войны нужны только три вещи – деньги, деньги и еще раз деньги. А ведь мне не только зарабатывать их надо, но и тратить.

Степан и Трофим опять поехали по городкам, слободам и острожкам людей искать. Тимофей остался со мной, кто-то ж должен и хозяйством заниматься. Эх, мало людей. Не то что умелых мало, просто вообще мало здесь людей. Кое-как набрали еще две сотни охотников (не в том смысле, что эти люди зверье били, а в смысле, что охота им со мной в поход идти). Точнее, набрали они побольше, но каких-то пришлось отбраковать: кто-то совсем слабый, похода не выдержит, а кто-то и засланный. Мне такое зачем?

Разбили их на десятки, и стали их мои парни учить. Только жилье им решили не возле острога или солеварни ставить, а поглубже в лесу. С избами помог Никифор, брат Хабарова. Даром что у Хабаровых он младший – цепкий мужик и хозяйственный. Его люди и строили поселки. Точнее, помогали строить новым жителям. Каждый такой поселок обносили не особенно крепким тыном, да и дома ставили совсем не на века. Главное, чтобы холода переждать да место для отдыха соорудить.

Основное – подготовка. Всякая. И физическая, чтобы крепкими были, и огневая. Тренировались с пиками работать. Пики сами делали. Тоже, скажу вам, непростое дело. Ею же бить надо, значит, она должна быть легкой, но прочной. И быть их должно много. Ломаются, гады, быстро.

Когда работа наладилась и появилось немного времени, решил я еще немного нашу экипировку доработать. Хоть какая-то броня была только у избранных, человек двадцать – двадцать пять могли ей похвастаться. Решил я наделать металлических бляшек побольше и нашить их на одежду нашим воинам. Конечно, не ламинарный доспех, но шансов получить случайную стрелу всё же меньше.

Тем временем вернулся Макар. Караван Хабарова он проводил. К нашим людям присоединилось еще с полсотни охотчих людей разного звания. Это радовало не особенно: всё же наши люди были намного более тренированны, умели действовать вместе. С другой стороны, сотня – это уже сила.

Передал он и письмо от Хабарова. Как мы и решили ранее, пойдет он не на Зею, приток Амура, по следам Пояркова, а другим путем. Путь на Зею явно будет охраняться, потому с малыми силами туда соваться смысла нет. Как там у нас говорил классик марксизма-ленинизма: мы пойдем другим путем. Через малые реки и волоки отряд Хабарова должен выйти на другую реку – Шилку. Некогда на этой реке, точнее, на одном из островов, поставил укрепленное зимовье Иван Галкин. Там Хабаров сможет укрыться, если что-то пойдет не так. Пока же его дело не столько воевать, сколько узнать, где там как. Меня со всеми людьми он ждет к весне в Якутске. Оттуда поход и начнем.

Да, времени осталось немного. И из Илима шли вести, что назначенный сюда воевода Тимофей Шушерин уже выехал в свой удел. Понятно, что совсем мирно выделение нового воеводства не пройдет. А мне оно совсем не в масть. Пока оставалось немного времени (мои казаки почти освободили меня от необходимости заниматься с нашими новобранцами), я продолжал думать над усовершенствованием защиты отряда.

Обычно при схватке на суше казаки ставили кругом телеги, которые и выполняли роль заслона. Сверху били из самострелов и ружей. Но такой заслон имел и недостатки. Во-первых, от стрел он прикрывал не особенно: все же телега не стена. Во-вторых, для прикрытия в условиях залповой стрельбы он не особенно годился. В-третьих, идти мы будем на стругах, телегами еще разжиться нужно. Главное же, от такого укрытия наступать неудобно. А нам же не только обороняться нужно, а вперед идти.

Вот и решил я сделать пару десятков ростовых щитов типа павезы, которыми прежде защищались арбалетчики и аркебузиры. В Европе такие щиты уже не использовались (для подвижных армий Нового времени оно совершенно не подходило), но в нашем походе могло сослужить хорошую службу. Щит делал в человеческий рост, сантиметров сто семьдесят. Снизу к нему приделывались два штыря, чтобы удобнее втыкать в землю, ножки, чтобы выдвинуть и руками не держать. Сверху прорезь для ружья. Первый щит сделал сам. Потом уже делали помощники, а я, как говорится, деньгу ковал.

Дела шли. Люди всё больше напоминали целый отряд. Обмундирование не хуже, чем у воеводских воев. Грудь и плечи защищает металлическая пластина, голову – плотный колпак. Стреляют и заряжают быстрее, чем стрельцы. Пикой, конечно, орудут не как европейская пехота, но и не как рогатиной. С теми, что набрал и содержал Никифор, брат Ерофея, выходило уже к четырем сотням.

Мы торопились. И торопились не зря: еще не прибыл в Илим воевода Шушерин, а Францбеков включил жадного гасконца. По его приказу все служивые люди должны были прибыть в Якутск со всем оружием, припасами. Даже городскую казну и пушки, что стояли в Илеме, он решил вывезти. Всё «свое» спешил прибрать к рукам, коли уж Илим от него уходит.

Делать было нечего. За неделю собрались и двинулись к Якутску. На солеварне остался только грамотей-бухгалтер да работники. Степана я с собой забрал. Я решил, что сам не лучше, чем наш воевода-батюшка: казну с солеварни до последнего медяка выгреб, все свои кузнечные приблуды на струг загрузил (благо воевода повелел под пушки и прочее оружие целый струг приготовить). Я же с пушкарями договорился. Разместились и в тесноте, и в обиде.

Ладно хоть идти было не очень долго. Пока шли по Лене, я пригляделся к пушке. Собственно, пушка того времени не особенно отличалась по способу стрельбы от фитильного ружья: заряд пороха, ядрышко, пыж; заряжается с дула. В казенной части отверстие для фитиля и запала, тут особенно не усовершенствуешь (по крайней мере, с моими знаниями; шуваловский «единорог» я точно не построю).

Стоп, по-моему, уже изобретена картечь. Она бы нам очень даже сгодилась. Спросил у пушкарей. Подтвердили: есть такое дело, но у них нету. Только ядра. Картечь портит ствол, потому и не надо нам такого. Ну, вам не надо, а нам надо.

Стал я вспоминать, как картечный заряд делается, самый простой, конечно. Я, хоть кузнец и механик, но никак не гений изобретательства. Выточил одну штуку, набил всякой поганью: гвоздями старыми, мелким ломом – у меня такого добра на переплавку изрядно лежало. Завязал в мешочек. Получилась вполне себе картечь. Ее бы опробовать, но пушкари послали меня по адресу. Хотя и знали, что я Кузнец, но за пушку-то они перед воеводой отвечают. И то правда. Но мысль про картечь мне в голову крепко запала. Картузы для заряжания у них уже есть. И то хлеб.

Пока я пушку осматривал да с пушкарями пререкался, подошли мы к Якутску. Наша ватага в город заходить не стала, встали за слободой. Благо холодов уже не было, да и Никифор нарядил работников какой-то сарай на окраине соорудить. Не хоромы, скажу честно, но стены и крыша есть, даже две печи сложены. Кое-как разместились. И хорошо, что подальше от города: наш отряд, по сибирским масштабам, был уже изрядным войском и мог вызвать у воеводы или кого-то из его людей ненужные мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.